

Владимир
СОРОКИН

23000

Владимир Георгиевич Сорокин

23000

Серия «Ледяная трилогия», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148118

Сорокин, В. Ледяная трилогия: Путь Бро. Лед. 23 000 : АСТ, Астрель;

Москва; 2009

ISBN 978-5-17-050035-2, 978-5-271-23126-1

Аннотация

«23000» – это заключительный роман ледяной трилогии, начатой романами «Лед» и «Путь Бро». Трилогии про Братство света, постоянно находящегося в поисках своих новых соратников.

Содержание

Мясо клубится	4
Малый Круг надежды	38
Сердца трех	45
Арсенал	54
Горн	68
Большой Круг	77
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Владимир Сорокин

23 000

Мясо клубится

Апельсин по-прежнему лежал под буфетом.

Мальчик лег на пол, засунул под буфет руку и потянулся к апельсину. Но рука не доставала. Пальцы нащупали пыль и высохшую вишневую косточку.

– Котыпес! – сердито пробормотал мальчик в подбуфетную темноту.

Отбросил косточку и погрозил апельсину кулаком. Приподнялся на коленках. Посидел, ковыряя в носу. Встал, огляделся. На столешнице буфета рядом с сахарницей, бутылкой кетчупа и банкой растворимого кофе лежала забытая мамой розово-серебристая пудреница. Мальчик взял ее, повертел, открыл. Из круглого зеркальца на мальчика глянул белобрысый мальчик с большими, слегка выпученными светло-синими глазами, большими оттопыренными ушами, маленьким приплюснутым носом и маленьким, всегда мокрым и вопросительно открытым ртом олигофрена.

– С добрым утром, Микки Рурк, – произнес мальчик, закрыл пудреницу и положил. Выдвинул ящик буфета. В ящике лежали столовые приборы. Мальчик взял ложку, лег на

пол и попытался ложкой достать апельсин. Не получилось.

— Я тебя арестакну, чечен! — прорычал мальчик в пыльный линолеум и застучал ложкой под буфетом. — Комон! Комон! Комон!

Недосягаемый апельсин лежал в полумраке.

Мальчик сел. Посмотрел на ложку. Стукнул ею по буфету. Встал и слегка задел головой о выдвинутый ящик.

— М-м-м! Котыпес... — Он недовольно потер голову, кинул ложку в ящик.

Взял столовый нож. Повертел в руках. Сравнил с ложкой:

— Ты такой же котыпес.

Бросил нож в ящик. Задвинул ящик. Подошел к электрической плите. Над ней на стене висели: дуршлаг, двузубая вилка, шумовка, половник и скалка. Мальчик остановил взгляд на скалке:

— Вот!

Он поднялся на цыпочках, потянулся к скалке. И с трудом коснулся пальцами ее шершавого деревянного конца. Скалка закачалась. Мальчик посмотрел на нее. Потом подвинул стул к плите, влез на него. Выпрямился. Взялся рукой за скалку. Но до ее верха с дырочкой и веревкой по-прежнему было не близко.

— Сейчас, котыпес... — Не отпуская скалку, мальчик поднял левую босую ногу и поставил ее на конфорку плиты.

Подергал скалку. Но короткое веревочное кольцо не хотело сниматься с деревянного штырька. Пыхтя, мальчик стал

подтягивать правую ногу. Это было неудобно. Он ухватился за скалку сильнее, помогая правой ногой:

– Аппрейд, толстая...

Оттолкнулся ногой от стула, резко встал на плиту, закачался, балансируя, и обеими руками ухватился за скалку. Веребочное кольцо натянулось. И соскочило со штырька. Мальчик пукнул. И со скалкой в руках стал падать навзничь.

– Оп-ля... – Его мягко подхватили чьи-то сильные руки.

И тут же поставили на стул.

Мальчик повернул назад голову. Там стоял незнакомый мужчина.

– Миша-Миша... – укоризненно покачал он головой. – Разве можно так?

Мужчина был высокий, широкоплечий, с загорелым добродушным лицом. Изумрудно-голубые глаза его смотрели приветливо. Сильные руки осторожно поддерживали мальчика. От этих рук приятно пахло.

– Решил каскадером стать? – спросил мужчина и широко улыбнулся крепкими белыми зубами.

– Не-а... – настороженно буркнул мальчик, сжимая в руках скалку.

Мужчина снял его со стула и поставил на пол. Присел рядом. Улыбающееся лицо мужчины оказалось напротив лица мальчика. На скуле у мужчины был небольшой шрам. Коротко подстриженные рыжеватые волосы топорщились ежиком.

– Если ты хочешь достать из-под буфета апельсин, то это

лучше сделать не скалкой, а шваброй. Знаешь, почему?

– Не-а. – Мальчик исподлобья смотрел на незнакомца своими прозрачно-синими большими глазами.

– Потому что скалкой твоя бабушка раскатывает тесто для пирожков. А шваброй мама протирает пол. Ты же любишь пирожки с яйцом?

– Ага. И тефтели люблю.

– Вот и пусть скалка пирожки катает.

Мужчина вытянул скалку из рук мальчика и повесил ее на место.

– А апельсин твой мы сейчас достанем.

Незнакомец уверенно вышел из кухни, открыл дверь в туалет, взял швабру и вернулся с ней в кухню. Наклонившись к самому полу, он легко выкатил апельсин из-под буфета. Ополоснул его в мойке, вытер кухонным полотенцем и протянул мальчику:

– Ешь, Миша. И одевайся. Тебя мама ждет.

– А где она? – спросил мальчик.

– У тети Веры. На Пятницкой. Помнишь тетю Веру? Которая тебе динозавра подарила?

– Да.

– Того динозавра я купил. В «Детском мире».

– А вы... кто?

– Я муж тети Веры. Михаил Палыч. – Мужчина протянул большую ладонь. – Будем знакомы, тезка!

Мальчик протянул ему руку. Сильные загорелые пальцы

бережно сомкнулись вокруг кисти мальчика.

За окном залаяли собаки. Мужчина подошел к окну,глянул за занавеску.

Мальчик стал чистить апельсин.

– Ты одеваешься сам или мама помогает? – спросил мужчина, глядя в окно.

– Сам.

– Правильно. – Мужчина задернул занавеску. – Я в шесть лет тоже сам одевался. И уже умел на велосипеде кататься. У тебя есть велосипед?

– Угу. На даче, у бабушки. Но там восьмерку Толик сделал. Он плюется. – Мальчик ковырял апельсин.

– Толик? – спросил мужчина.

– Велосипед. А Толик не плюется. Он к Мохначу через забор лазает. И все у них ворует.

Мужчина вдохнул и выдохнул:

– Знаешь что, Миша, давай я тебе апельсин почищу. А ты пока пойди оденься.

– А мы что, к тете Вере на дачу поедем?

– Точно так. – Мужчина забрал у мальчика апельсин. – Так что давай время терять не будем. Купаться надо. Жарища вон такая... Да и в пробках стоять не хочется. Давай, давай, Мишань!

Мальчик побежал в спальню. В прихожей возле входной двери стоял большой синий чемодан.

– А это ваш чемодан? – крикнул мальчик.

– Мой, – отозвался мужчина.

– А там чего?

– Ничего! – засмеялся мужчина. – Одевайся, каскадер!

Мальчик вошел в спальню.

Снял со спинки стула шорты и стал надевать их. Но увидел лежащего на подушке и полуприкрытого одеялом плюшевого динозавра. Рядом с динозавром лежал кусочек льда. От тающего льда на подушке расплывалось пятно.

– Ах ты, толстый лед! – Путаясь в шортах, мальчик подбежал к кровати и сбросил лед на пол. – Ты описался, лед! Апгрейд, апгрейд!

Мальчик натянул шорты, надел рубашку и сандалии. Потом поднял кусочек льда и побежал с ним на кухню:

– Лед описался!

На кухне мужчина сидел на стуле и с улыбкой смотрел на вбегающего мальчика. Рядом на столе лежал неочищенный апельсин. Мальчик кинул лед в мойку. Мужчина приподнялся со стула:

– Оделся? Молодец.

Он достал мобильник, набрал номер:

– Да.

Спрятал мобильный в карман:

– Нам пора, Миша.

– А апельсин? – Задрав голову, мальчик посмотрел на него.

– Потом. Все потом... – Мужчина достал из кармана кро-

хотный газовый баллончик, стремительно зажал себе нос рукой и прыснул на мальчика из баллончика.

Мальчик тряхнул головой, зажмурился. Отвернулся, закрывая руками лицо. Вскрапнул. И побежал из кухни. В коридоре его ноги подкосились, и он стал падать. На руки вошедшего в дверь другого мужчины. Который подхватил мальчика и сразу понес в спальню. Из кухни, все еще зажимая нос, заспешил мужчина, пришедший раньше. Они склонились над мальчиком. Первый мужчина был повыше ростом. Братя Света звали его Дор. Второго, пышноволосого блондина с маленькой русой бородкой, звали Ясто. У обоих были сильные, загорелые и мускулистые руки. Эти руки проворно заработали: достали маленький шприц с коричневатой жидкостью, сделали мальчику быстрый укол в плечо, раздели его догола, натянули памперс.

Дор принес синий чемодан, открыл. В чемодане лежало верблюжье одеяло. Мальчика бережно завернули в одеяло, оставив лицо. И положили в чемодан. Ясто осторожно приподнял веко мальчика. Голубой, прозрачный по краям глаз задумчиво и неподвижно глянул на них.

- Спит, – пробормотал Ясто.
- Те двое внизу? – прошептал Дор.
- Да.
- Лифт?
- По-прежнему.
- Тогда ты понесешь.

– Я.

Они взяли безвольные, побледневшие руки мальчика и на минуту замерли, прикрыв глаза. Затем, очнувшись, закрыли чемодан. Ясто мягко поднял чемодан, поднес к двери. Поставил. Приоткрыв дверь, они замерли, прислушиваясь. На лестнице было тихо. Дор и Ясто глянули в изумрудно-голубые и серовато-синие глаза друг друга. И стремительно обнялись, со взаимной яростной силой прижались грудью. Из губ их вырвались слабые утробные звуки, сильные руки стиснулись, напряглись, замерли. Головы их задрожали. Сердца заговорили.

– Дор... – прохрипел Ясто.

– Ясто... – выдохнул Дор.

Они застонали и резко оттолкнулись, отстранились.

И мгновенно пришли в себя. Успокоились. Вдохнули. И плавно выдохнули.

Дор шагнул за дверь. И стал спускаться по лестнице: лифт не работал. Чуть погодя Ясто с чемоданом в руке двинулся за ним. Дор неспешно бежал вниз по ступенькам, легко неся свое сильное, пластичное тело.

Между первым и вторым этажами этого шестнадцатипанельного дома периодически ночевал бомж Валера Соплеух. Последнюю ночь он провел на лестничной клетке со своей подругой Зульфией. Только что она разбудила Соплеуха, требуя пива. Стоя на коленях и хрипло бранясь, Соплеух шарил по грязным карманам, выгребая ме-

лочь, оставшуюся со вчерашнего дня. Услышав, что кто-то спускается сверху, Соплеух поднял голову и привычно затаился:

– Земляки, подайте бывшему водолазу на утоление жажды!

Спускаясь к ним по лестнице, Дор сунул руку в карман. Бомжи увидели его.

– Землячок, не будь жлобом, я же тоже... – заговорил Соплеух, но не закончил фразу: Дор стремительно и со страшной силой ударил его кастетом в голову. Раздался треск черепа. Зульфия отшатнулась, открыв беззубый рот. Дор шагнул к ней и ударил ее в переносицу. Голова ее сильно стукнулась об исписанную граффити стену. Соплеух беззвучно повалился на пол. Дор перешагнул через него, обернув кастет носовым платком, убрал в карман, двинулся дальше вниз. Ясто спускался не так быстро, осторожно неся чемодан. Проходя между лежащими на полу бомжами и косясь на дергающиеся и подплывающие мочой ноги Зульфии, он инстинктивно поднял синий чемодан повыше, спустился на первый этаж, миновал лифт с доской объявлений и вышел во двор, зацепившись левой рукой за стальной заусенец на косяке входной двери.

Во дворе было жарко и солнечно. У подъезда стояли пыльные «Жигули». За рулем сидел лысоватый голубоглазый блондин в серой майке и смотрел на трех бездомных собак, настороженно рычащих на него. Как только собаки уви-

дели Ясто, они зарычали сильнее и отошли подальше от машины. Ясто положил чемодан на заднее сиденье, сел рядом с водителем. «Жигули» тронулись, стали выезжать из двора.

– Всё? – спросил водитель.

– Всё, – ответил Ясто.

– Собаки... – пробормотал водитель.

– Чуют нас, да? – нервно улыбнулся Ясто.

– Я не знал этого раньше.

– Ты молод сердцем, Мохо. – Ясто поднес к губам оцарапанную руку и отсосал выступившую каплю крови.

«Жигули» выехали на улицу Островитянова. И сразу за ними пристроился массивный темно-синий внедорожник «Линкольн-Навигатор». За рулем сидел худощавый Ирэ, рядом с ним – Дор.

– Где? – произнес Ирэ.

– Они решат сами, – Дор в изнеможении сжал ладонями свое мужественное лицо.

«Жигули» свернули на Профсоюзную, проехали немного и остановились. Внедорожник остановился рядом. Дор выбежал, открыл заднюю дверь. Ясто, выйдя из «Жигулей», передал ему чемодан. Дор положил чемодан на заднее сиденье, сел рядом, Ясто снаружи захлопнул дверь внедорожника. «Линкольн-Навигатор» сразу тронулся, резко вырулил из-за «Жигулей». Вслед за ним тронулся черный «Мерседес S 500» с затемненными стеклами и с синим милицейским номером. В нем сидели Обу, Трив и Мэрог, в форме офице-

ров милиции. Обу приложил к уху мобильник:

– Я.

– Иду, – ответил по своему мобильнику Ирэ, пропуская «Мерседес» вперед. Дор открыл наборный замок синего чемодана, приподнял крышку. Мальчик спал в одеяле. Лицо его слегка порозовело. Дор взял руку мальчика. Она была прохладной и безвольной. Он склонился над мальчиком, приложил его руку к своей груди и на мгновение закрыл глаза.

Внезапно в правом ряду столкнулись две машины, и одна из них задела внедорожник. «Линкольн» тряхнуло, он завил. Дор обхватил руками чемодан, удерживая на сиденье.

– А-а-а! – прорычал Ирэ, роняя мобильник и удерживая руль.

– Не останавливайся! – глянул назад Дор.

– Кто они?

– Мясо, мясо... – успокоил его Дор, глядя на остановившиеся машины. – Простая авария.

Внедорожник понесся вперед. Поврежденное заднее крыло у него торчало. На светофоре он остановился рядом с «Мерседесом». Дор открыл дверь и передал чемодан Мэрог, который уложил его рядом с собой на заднем сиденье. «Мерседес» рванулся с места на красный свет. Мэрог открыл чемодан, глянул на спящего мальчика. Закрыл свои каштаново-голубые глаза. Лицо его сразу словно окаменело.

Свернули на МКАД.

Внезапно «Мерседес» качнуло. И слабо застучало спущенное колесо.

Обу стал выруливать вправо и встал на обочине. «Мерседес» накренился на правую сторону.

Сидящие в машине напряженно переглянулись. Мэрог закрыл чемодан, вынул из спортивной сумки пистолет с глушителем. Трив достал из-под сиденья короткоствольный автомат, снял с предохранителя.

Обу выглянул в окно:

– Оба колеса справа. Это не случайность.

– Есть два запасных? – спросил Мэрог.

– Есть, слава Свету, – ответил Обу и забрал автомат у Трив. – Меняй колеса.

И сразу же связался с Дор:

– Мы стоим. Два колеса спустило. Это не случайно. Нужны братья.

– Я иду, – ответил Дор.

– Нет! Это опасно. У тебя торчит крыло.

– Это не страшно.

– Ты притянешь мясо.

– Я *верю сердцу*, Обу. Я иду к вам.

– Дор, нам нужны братья! Мясо клубится. Я *ведаю*.

– Я зову Щит.

– Это опасно! Мясо чувствует их. Нам нужны просто братья!

– Я зову их.

Трыв вышел, принялся менять первое колесо. Внедорожник с торчащим крылом проехал мимо и остановился в десяти метрах. Обу опустил темное стекло. К «Мерседесу» подъехала белая «Тойота» ДПС с мигалкой. Из нее вышел полноватый лейтенант с одутловато-недовольным лицом, незажженной сигаретой в пухлой руке, козырнул:

– Здорово живете!

Продолжая крутить домкрат, Трыв поднял голову:

– Здоров.

– Оба сразу? Дела! Как говорится, и на мерина бывает проруха. Помочь?

– Помоги, коль не торопишься. – Мэрог ответил вместо Трыв, опуская темное стекло и держа пистолет наготове. – А то я руку вчера ошпарил, а у старлея Варенникова (он кивнул на Обу) грыжа левого яйца от половой натуги!

Обу, Мэрог и Трыв рассмеялись.

– Бывает и такое в нашем трудном деле... – усмехнулся лейтенант и нервно зевнул, захлопал по карманам. – Сейчас, парни, подсобим. Помочь своим – святое дело... Блин, куда же я ее... как всегда в машине...

Он обернулся:

– Леха, кинь огня!

Дверь «Тойоты» открылась, из нее выпрыгнул сержант ДПС с «калашниковым». В руке у лейтенанта щелкнул, раскрываясь, узкий нож.

– На! – в секунду покрасневший от волнения лейтенант

метил в шею, а всадил лезвие в плечо увернувшегося Трив, но тут же меткая пуля, выпущенная Мэрог из окна «Мерседеса», прошла полноватому лейтенанту голову. Сержант открыл шквальный огонь. Пули заделали Трив, срикошетили от бронированного «Мерседеса». Дор, открыв багажную дверь внедорожника, дал длинную очередь по «Тойоте». Брызнуло лобовое стекло, прошитый пулями лейтенант повалился. Из вильнувшего серебристого джипа выскочил «калашников» со снаряженным подствольником. Подствольник выстрелил по синему внедорожнику. Взрыв разнес машину, отшвырнул отбегающего Дор. Опустив стекло задней двери, Обу дал длинную очередь по джипу. Джип врезался в «Газель», из его разлетающихся окон стали стрелять. Несколько машин в левом ряду автотрассы столкнулись, одна загорелась. Обу, Мэрог из окон «Мерседеса» и поднявшийся на дороге Дор открыли стрельбу по джипу. Молоковоз на большой скорости стал тормозить, объезжая загоревшиеся машины, но шальная пуля попала в горло водителю. Молоковоз вильнул вправо и врезался в черный «Мерседес». Желтая цистерна с синей надписью «Молоко» стала сминаться и треснула. Молоко хлынуло в кабину «Мерседеса» через открытые окна. Захлебываясь молоком, Обу и Мэрог стали вытаскивать из машины чемодан с мальчиком. Обу был ранен в шею и стремительно терял силы. Молоко моментально заполнило машину, Мэрог нащупал ручку задней двери, открыл и вместе с чемоданом вывалился на

дорогу. Обу захлебнулся молоком и остался в машине. Молоко хлестало на асфальт из открытой задней двери «Мерседеса». Мэрог схватил чемодан, присел, оглядываясь. Движение на МКАД прекратилось. Две машины и взорванный внедорожник горели. В серебристом джипе никто не подавал признаков жизни. От горящего внедорожника к Мэрог шел, пошатываясь, Дор. Он был сильно покалечен взрывом и делал свои последние шаги по земле, сжимая правой рукой автомат, а левой придерживая кишки, готовые вывалиться из разорванного живота. Окровавленное и обожженное лицо его было неузнаваемо.

– Собери Круг Силы... – прохрипел Дор и рухнул.

Его кровь смешалась с молоком.

Мэрог вздрогнул всем телом, скрипнул зубами, подхватил автомат, выпавший из окровавленной руки Дор, поднял чемодан, перемахнул металлический бортик ограждения и, разбрызгивая молочные капли, кинулся в кювет, а из него по траве и кустам – к маячащим неподалеку многоэтажкам Теплого Стана.

Из стоящих машин высунулись осмелевшие люди:

– Вон, вон он!

– Задержите его, мужчины!

– Ты куда, сука, а ну стой!

– Какой ужас!

– Никита, звони в милицию!

– Так он же сам – мент! Оборотень, блядь!

– Держи гада!

– Да здесь же пост ГАИ – рукой подать!

– Они слышали стрельбу, уже едут, наверно!

Многие звонили по мобильным телефонам.

Мэрог пробежал через кусты, миновал гаражи и оказался на улице Генерала Тюленева. В этот воскресный день улица была полупустой, редкие машины проезжали по ней. Прохожих тоже было мало. В основном они не шли, а стояли, прислушиваясь к происходящему на Кольцевой. Встав за серебристым гаражом-«ракушкой», Мэрог поставил чемодан на землю, вытер мокрое от молока лицо и огляделся. Три женщины у подъезда дома оживленно переговаривались, пытаясь сквозь деревья и кусты разглядеть то, что творится на Окружной. Группа подростков выскочила из другого подъезда и побежала в ту сторону. Там послышался глухой взрыв – видимо, взорвался бензобак горячей машины. Проезжающая мимо зеленая «Дэу-Нексия» остановилась. Худощавый, хмурый и сутулый водитель с сигаретой в губах вышел, приподнялся на цыпочках и посмотрел в сторону Кольцевой.

– Чего там за херня? – громко спросил он у улицы.

– Террористы, – ответил Мэрог, выглядывая из-за «ракушки», и навел на мужчину автомат. – Застыл на месте.

Мужчина хмуро посмотрел на Мэрог. И на его сочащиеся молоком милицейские погоны.

Мэрог поднял левой рукой чемодан, подошел к машине:

– Открыл заднюю дверь.

При ходьбе молоко громко хлюпало в его полуботинках. Мужчина хмуро-напряженно смотрел на облитого с головы до ног и сочащегося молоком Мэрог.

– До одного считаю. – Короткое дуло ткнулось в худощавый живот мужчины.

Мужчина очнулся. И открыл заднюю дверь.

– Садись за руль. Только медленно.

Дуло уперлось в худую спину. Мужчина стал садиться за руль. Со стороны МКАД послышались сирены милицейских машин. Мэрог положил чемодан на заднее сиденье, подождал, пока мужчина сядет за руль, и сам сел сзади, рядом с чемоданом.

– Вперед. – Мэрог просунул ствол автомата между передними сиденьями.

Мужчина взялся за рычаг переключения передач. Из дула выкатилась молочная капля. И упала на костлявый кулак водителя. Кулак включил первую передачу. Машина тронулась.

– Быстрее, – приказал Мэрог.

Сутулый водитель прибавил ходу.

Мэрог вынул у него изо рта дымящуюся сигарету и выбросил в окно. Машина доехала до развилки дороги.

– Направо, – скомандовал Мэрог.

«Нексия» свернула на улицу Теплый Стан. Мэрог открыл чемодан: мальчик все так же спал в одеяле. Мэрог закрыл чемодан, сунул руку в левый мокрый карман брюк.

Карман был пуст – мобильник остался в машине.

– Дай твой мобильный, – приказал он водителю.

Мужчина вынул телефон из нагрудного кармана безрукавки, не оборачиваясь, передал назад. Мэрог взял, стал набирать номер.

– Там у меня... денег нет, – произнес водитель.

Мэрог бросил мобильник себе под ноги. Доехали до новой развилки.

– Направо, – скомандовал Мэрог.

Поехали по улице Академика Виноградова. В небе послышался стрекот вертолета. Мэрог открыл свое окно, высунул голову, глянул вверх: вертолет парил неподалеку. Тополиный пух зацепился за ресницы сине-карего глаза Мэрог. Он стер тополиный пух рукой, огляделся по сторонам. Улица кончалась, упираясь в тупик. Слева по ходу стояли многоэтажки, справа зеленел лесопарк.

– Налево. К дому, – приказал Мэрог.

Сутулый свернул.

– Запарковался.

«Нексия» подъехала к дому и встала рядом с другими машинами.

– Заглушил мотор.

Сутулый заглушил двигатель. Мэрог стал закрывать свое окно:

– Закрыв окно.

Мужчина исполнил.

– Теперь снимай с себя одежду.

– Что?

– Рубашку, джинсы. Только плавно, понял?

Мужчина снял рубашку. Под ней оказалось худое бледное тело с вытатуированным на плече якорем. Мэрог забрал рубашку. Извиваясь на сиденье, мужчина стянул шорты. Мэрог забрал их. Мужчина покосился назад. На висках и носу у него выступил пот.

– Посмотрел вперед.

Сутулый посмотрел вперед на заставленный машинами и ракушками двор. Мэрог сильно ударил его кулаком в шею. Голова с редкими, плохо подстриженными волосами дернулась назад, зубы мужчины лязгнули. Он повалился головой на сиденье рядом. Мэрог стянул с себя мокрые рубашку и брюки, надел рубашку сутулого. Она была мала и сильно обтянула мускулистый торс Мэрог. Шорты тоже были тесноваты. Мэрог нашел кнопку, открывающую багажник, открыл. Вышел, порывшись в багажнике, достал большой пластиковый пакет. В кабине положил автомат в пакет. Взял чемодан в одну руку, пакет с автоматом в другую и неспешно двинулся к домам. Неожиданно в затылок его с силой ударился пролетающий голубь. Мэрог присел. Голубь упал на асфальт и забился, разгоняя крыльями клочья тополиного пуха. Оглянувшись на голубя, Мэрог ускорил шаг. Обойдя две многоэтажки, он направился к подъезду третьей, нажал первую попавшуюся кнопку.

– Кто там? – спросил голос.

– Пустите рекламу положить, – ответил Мэрог.

Железная дверь запищала, он вошел и двинулся вверх по лестнице. Миновав три этажа, остановился. Опустил чемодан. Глянул в приоткрытое окно лестничной площадки: во дворе было спокойно. Издали доносились вой сирен и стрекот вертолета. Мэрог закрыл глаза и прижал лоб к недавно вымытому стеклу. Губы его раскрылись. Он сосредоточенно замер, перестав дышать. Сердце его *заговорило*.

Наверху послышались шаркающие шаги.

Мэрог открыл глаза. Стукнула крышка мусоропровода. И женский голос что-то недовольно забормотал. Звякнули бутылки.

Мэрог вдохнул. Подхватил чемодан и быстро побежал наверх по лестнице. Между четвертым и пятым этажами полноватая женщина в розовом халате возилась со сломанной крышкой мусоропровода.

– Вот свиньи-то, а... – бормотала она, закрывая и открывая крышку.

Ствол автомата уперся ей в бок.

– Ай! – взвизгнула она и зло обернулась.

– Застыла на месте.

Женщина открыла рот, но увидев автомат, смолкла. И сразу сильно побледнела. Полные ненакрашенные губы ее побелели.

– Чего... – попятилась она.

– Кто дома?

– Мама... и... это... дочка.

– Пошла назад.

– У нас денег... только полторы тысячи...

– Мне не нужны деньги. – Он подтолкнул ее.

– А чего... что нужно? – пятилась она.

– Спрятаться на час. Будешь правильно вести себя – никого не трону. Заорешь – положу всех.

Женщина пошла к приоткрытой двери. Вошла в двухкомнатную квартиру. Громко звучали голоса из телевизора. На кухне жарили курицу. Мэрог поставил чемодан в прихожей, захлопнул дверь. Женщина пошла в большую комнату. Выключила телевизор. Что-то произнесла шепотом. Мэрог заглянул в комнату: женщина стояла с десятилетней девочкой, прижав ее к себе.

– Все в ванную, – приказал Мэрог. – Посидите там, пока я не уйду.

Женщина и девочка попятились из комнаты. Девочка с любопытством глядела на Мэрог.

– Я маме скажу... слышит плохо... – пробормотала женщина.

– Скажи. Только быстро.

Женщина с девочкой пошли на кухню. Мэрог двинулся следом. На кухне полноватая и низкорослая старуха жарила на сковороде куриные грудки. Женщина подошла и выключила электроплиту.

– Ты чего? – громко удивилась старуха.

– Мама, к нам пришли с оружием! – прокричала ей в ухо женщина.

Старуха обернулась. Мэрог стоял в дверном проеме с автоматом. Старуха уставилась на него.

– Мы посидим в ванной, пока он не уйдет! – прокричала женщина в ухо старухе.

Держа в коротких руках вилку и нечистое кухонное полотенце, старуха смотрела на Мэрог. Он распахнул дверь в ванную комнату, зажег свет:

– Быстро!

– Мама, пойдем быстро! – прокричала женщина, подтолкнув старуху.

С вилки упала капля куриного жира.

Таращась на незнакомца и не выпуская из рук вилку и полотенце, старуха вошла в ванную. Следом вошли мать и дочь.

– А вы из Чечни? – спросила девочка.

– Нет, – ответил Мэрог. – Где инструмент?

– Какой? – спросила женщина.

– Слесарный.

– А у нас... и нет... здесь, в стенном шкафу, что-то осталось.

Мэрог закрыл за ними дверь, пошарил в стенном шкафу, нашел молоток и пару гвоздей. Положив автомат на зашарканный паркет, он быстро забил гвоздями дверь ванной.

Девочка заплакала.

Мать стала ее успокаивать. Потом заплакала сама.

– Ему чего? Чего ему надо? Они что – взрывают? – громко спрашивала старуха.

Мэрог поднял чемодан, перенес в большую комнату. Смахнул со стола вазу с букетом ромашек, стопку женских журналов и аппарат для измерения кровяного давления. Поставил чемодан на стол. Открыл. Мальчик спал ничком в одеяле. Мэрог осторожно перевернул его на спину. Не обратив внимания на лицо спящего, внимательно разглядел его грудь. Кончиками пальцев провел по ключицам и коснулся грудины. Пальцы Мэрог замерли. И задрожали. Он весь вздрогнул, отшатнулся от мальчика. Упал на колени. Его вырвало на ковер.

Быстро вытерев рот, он вдохнул, выдохнул. Встал. Нашел телефон, снял трубку, набрал номер:

– Я один.

– Он с тобой? – спросил голос.

– Да. Академика Виноградова. В самом конце.

– Жди.

Мэрог положил трубку. Облегченно вздохнул, подошел к окну, выглянул. Во дворе и на улице все было тихо и спокойно. Солнце припекало, тополиный пух парил в воздухе, редкие прохожие неторопливо шли. Проехал «Фольксваген» и два велосипедиста.

Мэрог нервно зевнул, вытер свои мокрые волосы занавес-

кой. Вернулся к чемодану. Снова приблизился к мальчику, но, скрипнув зубами, застонал, отшатнулся, ударил кулаком по спинке стула. Спинка треснула и разлетелась. Потирая руку, Мэрог прошел на кухню. В ванной тихо всхлипывали и подвывали женщины. Брезгливо покосившись на сковороду с жареной курятиной, Мэрог взял со стола-тумбы помидор и яблоко. Глядя в окно, стал попеременно откусывать и есть. По улице Академика Виноградова медленно поехал широкий шестиколесный тягач. На его площадке стоял гусеничный экскаватор оранжевого цвета с огромным ковшом. Тягач с большим трудом двигался, едва не задевая припаркованные машины. В лесопарке послышался нарастающий рев дизельных двигателей. Два мощных бульдозера, ломая молодые деревья и калеча старые, выползли из лесного массива на улицу и поехали навстречу тягачу. Вслед за ними, страшно буксуя, треща кустарником, стал выезжать подъемный кран с телескопической стрелой. Мэрог резко перестал жевать. Отшвырнул недоеденные помидор и яблоко. Через двор к подъезду пятились задом две бетономешалки. Миксеры их крутились. Еще одна бетономешалка выехала из-за угла соседнего дома, стала поворачивать на улицу и встала перед наползающим бульдозером. Бульдозерист, высунувшись из кабины, что-то крикнул водителю бетономешалки. Тот заглушил мотор, вылез, спрыгнул на землю, закурил и улыбочиво глянул на бульдозер. Бульдозерист тоже вылез, подошел:

– Ты откуда?

– Я с шестого, – ответил улыбочивый парень.

– Ну? – непонимающе сощурился бульдозерист. – Чего ты вперся? Как я в поворот впишусь?

– Не парься, зёма. Там еще до хера чего едет!

– А нам куда?

– Хохряков все скажет. Давай покурим.

– Да чего мне Хохряков... у меня еще три ходки! – раздраженно почесался водитель бетономешалки.

– Начальству виднее! – с улыбкой зевнул другой.

– Умники, бя... – вздохнул водитель, беря сигарету.

Из-за угла соседнего дома во двор въехал грузовик. В кузове сидели рабочие в желтых робах с лопатами. Грузовик остановился.

– Давайте, ребята, быстро, быстро! – раздался голос.

Рабочие попрыгали из кузова и тут же с остервенением стали рыть землю двора лопатами. Две женщины с детскими колясками недоумевающе уставились на них. Из кабины грузовика вылез толстый коротышка с бензопилой, семена короткими ногами, завел ее, подбежал к липе и впился режущим зубчатым полотном в ствол. Посыпались опилки.

– Вот так, ёптеть... – пробормотал коротышка и надсадно закричал: – Бобров, Егорыч, надрубайте!

Двое с топорами подбежали к другим липам и умело за-
тыкали по стволам.

– Они деревья рубят! – ужаснулась женщина с коляской.

– Эй, вы чего делаете? – крикнула ее подруга.

Не отвечая, рабочие продолжали. Раскрылось окно на втором этаже, высунулась старушка. Вслед за ней высунулся жующий, голый по пояс мужчина:

– Чего это они?

– Я говорила – наши гады гараж отстоят! – уверенно отчеканила старушка.

Во двор въехали два крытых фургона. Из кузовов не спеша полезли таджики с ломami. Поплевав на руки и нехотя переговариваясь, они взялись за ломы и принялись долбить асфальт. Из леса на улицу выехали две асфальтодробилки, их стальные наконечники впились в асфальт. В доме жилыцы стали выглядывать в открытые окна. Подпиленная липа качнулась и рухнула, макушкой снеся качели детской площадки. Жилыцы дома негодуя закричали. Коротышка с подвывающей пилой подбежал к старому тополю и принялся яростно пилить его. Оранжевый экскаватор пополз со станины, задевая переполненные мусорные контейнеры. Они опрокинулись, мусор высыпался на улицу. К бетономешалкам подрулил носатый и крайне недовольный старик на стареньком «БМВ», скомандовал:

– Сливайте там, где стоите!

Водители, матерясь, полезли в кабины. Телескопическая стрела крана стала раздвигаться. Между двумя «ракушками», обдирая их, задом протиснулась «Газель» с длинным кузовом. В кузове стояла стальная корзина с десятью азербайджанцами в красных касках и рабочих спецовках. Кран

подхватил корзину и стал быстро поднимать. Корзина раскачивалась, азербайджанцы покрикивали на крановщика. Бетон потек из вращающихся миксеров на площадку перед домом. Ползущий экскаватор зацепил две машины, запели сигнализации. Старый тополь качнулся, громко затрещал и стал медленно рушиться, цепляясь ветками за провода, деревья и балконы. Макушка его сильно ударила по застекленному балкону квартиры, в которой оказался Мэрог. Рамы треснули, посыпались стекла. Из открытых окон раздались крики.

Глядя на все происходящее вокруг дома, Мэрог побледнел. Метнулся к чемодану, закрыл его, схватил, подбежал к входной двери, открыл и тут же захлопнул: по лестнице вниз бежали негодующие жильцы. В дверь позвонили. Мэрог замер. Потом застучали. И женский голос забормотал:

– Нина Васильевна, вам балкон разбили! Нина Васильевна!

Снова стали звонить в дверь.

Мэрог на цыпочках, с чемоданом в руке прошел на кухню, осторожно посмотрел в окно. Внизу под грохот асфальтодробилок растущая толпа соседей перебранивалась с водителями техники, кто-то пытался лезть к ним в кабины; выливающийся из миксеров бетон полз к дому, в него вляпывались людские ноги; таджики долбили ломami, землекопы копали, коротышка пилил следующий тополь, злобно выкрикивая что-то. Мэрог всмотрелся: лицо коротышки покраснелось, голова тряслась, на губах выступила пена. Женщи-

на в синем халате с серебристыми драконами подбежала к нему, вцепилась обеими руками в рыжеватые, ершистые волосы и потянула его от тополя. Коротышка уперся, сопротивляясь, пила в его руках взревела. Он дернулся всем телом, размахнулся и резко полоснул пилой женщину по лицу. Вскрикнув, женщина схватилась за лицо и осела на землю. Толпа ахнула. Коротышка, бормоча и втягивая голову в плечи, дико посмотрел на женщину. Всхлипнул. Мужчины из толпы с криками кинулись к нему. И вдруг тот самый носатый и крайне недовольный старик, приехавший на пыльном «БМВ», вложил пальцы в рот и свистнул неожиданно так сильно, что свист этот перекрыл рев механизмов и крики толпы. Толпа вздрогнула и на секунду оцепенела. Даже кинувшиеся к коротышке мужчины остановились. Как по команде перестали крошить асфальт машины. Все уставились на старика. Он же явно не рассчитал своих сил: сильнейший свист оказался разрушительным для его сухопарого тела. Из большого носа старика брызнула кровь, глаза его закатились, он поднял кверху худую руку, сжал костлявый кулак, всхрапел, зашатался и рухнул навзничь. И сразу же с яростными криками землекопы и таджики кинулись на жильцов дома. Ломы и лопаты замелькали над толпой, раздались крики покалеченных. Ковш экскаватора, сокрушив балкон на втором этаже, с размаху врезался в окно, погрузился в квартиру, зачерпнул со скрежетом и хрустом, вылез и высыпал обломки домашней утвари на газон перед домом. Асфальтодробилки

подползли к дому, приставили стальные наконечники к стенам и стали с грохотом крушить их. Из соседнего двора подползла красная пожарная машина, из пожарной пушки по окнам дома ударила струя воды. Пожарные в касках сноровисто раскатывали брандспойты. Таджики и землекопы, сокрушив и разметав толпу, с окровавленными ломami и лопатами ворвались в подъезд. Одновременно азербайджанцы электропилами вспарывали крышу.

Мэрог вздрогнул всем телом, облизал пересохшие губы. В дверь зазвонили и замолотили кулаками.

– Нина! Ниночка! Нина! Спасите! – вопил женский голос.

Мэрог схватил автомат, распахнул дверь. За дверью толпились три женщины. Они, воя и причитая, полезли в дверь. Мэрог дал по ним очередь в упор. Ключья мяса полетели на лестничную площадку, женщины попадали. Схватив левой рукой чемодан, Мэрог пробежал по их агонизирующим телам, кинулся наверх. Сверху по лестнице бежали соседи. У некоторых в руках были топоры и ножи. Мэрог стал расстреливать их, поднимаясь выше, расчищая себе дорогу. Грохот, скрежет и крики стояли в доме. Стены тряслись. Мэрог поднялся на несколько пролетов и увидел четверых азербайджанцев с пистолетами, проникнувших в дом с крыши. Они открыли по нему огонь. Уворачиваясь, он дал последнюю длинную очередь. Азербайджанцы с криками и стонами повалились, но за ними лезли другие. Раздались выстрелы, пуля попала Мэрог в шею. Он бросил пустой автомат, зажал

рану и с чемоданом кинулся вниз. Еще одна пуля впиалась ему в бок. Постанывая, он бежал вниз. Азербайджанцы не отставали. Нижние этажи дома сильно сотрясались, трещины змеились по стенам, вода, пущенная пожарными, била в окна, оставшиеся в живых жильцы визжали. Мэрог глянул вниз – толпа таджиков с ломami в руках поднималась со второго этажа.

– Канед!¹ – закричали они, увидав его. Обхватив чемодан обеими руками, он кинулся в первую попавшуюся распахнутую дверь квартиры и замер: перед ним возник ковш экскаватора, загребаяющий квартиру. Мэрог прижал чемодан к груди. Ковш со скрежетом надвигался. В нем крошились сервант с посудой, трескали книжные полки, лопалась кожа дивана, мягко взорвался телевизор. Громадные зубья ковша приближались. Мэрог попятился, кинулся назад. Но потные темнолицые таджики были уже совсем рядом.

Ломом ударили по голове. Мэрог упал, выпустил чемодан. Десятки смуглых рук вцепились в синий чемодан. Мэрог из последних сил боролся с этими руками. Не обращая на него внимания, таджики раскрыли чемодан, вытряхнули мальчика на пол. Мэрог цеплялся, цеплялся, цеплялся окровавленными руками.

– That's him, fucking bastard! – раздался женский голос, и сквозь засаленных таджиков потянулась, потянулась, потянулась красивая рука с маленьким позолоченным браунинг-

---

¹ Держи его! (тадж.)

гом, приложила дуло к бледно-розовой, беззащитной груди спящего мальчика, нажала курок.

– Не-е-е-е-т!!! – дико закричал Мэрог, рванулся и впился зубами в чью-то вонючую ногу в стоптанной кроссовке.

– Саг!² – прорычали сверху, и острый конец лома с хрустом вошел Мэрог в висок.

Мэрог открыл глаза.

«Мерседес» по-прежнему ехал по МКАД.

И мальчик по-прежнему спал рядом с Мэрог в открытом чемодане. Мэрог с тяжелым стоном выдохнул, встряхнулся, склонился и прижался головой к телу мальчика.

– Что с тобой? – оглянулся с переднего сиденья Трив. – *Вижу*: твое сердце неспокойно.

– Я теряю границу между мирами, – ответил Мэрог. – Мясные сны наползают.

– Это естественно, брат Мэрог. Мясные сны наползают, когда мясо клубится.

– Мясо давит по всем мирам, – вставил Обу, выезжая на левую полосу. – Твое сердце молодо, Мэрог. Положи себя на Лед. И мясные сны отвалятся.

Внезапно «Мерседес» качнуло. И слабо застучало спущенное колесо.

Обу стал выруливать вправо и встал на обочине.

Сидящие в машине напряженно переглянулись. Мэрог за-

---

² Собака! (*тадж.*)

крыл чемодан, вынул из спортивной сумки пистолет с глушителем. Трив достал из-под сиденья короткоствольный автомат, снял с предохранителя.

Обу выглянул в окно:

– Оба колеса справа. Это не случайность.

– Есть два запасных? – спросил Мэрог.

– Есть, слава Свету, – ответил Обу и забрал автомат у

Трив. – Меняй колеса.

И сразу же связался с Дор:

– Мы стоим. Два колеса спустило. Это не похоже на случайность. Нужны братья.

– Я иду, – ответил Дор.

– Нет! Это опасно. У тебя торчит крыло.

– Это не страшно.

– Ты притянешь мясо.

– Я верю сердцу, Обу. Я иду к вам.

– Дор, нам нужны братья! Мясо клубится. Я ведаю.

– Я зову щит.

– Это опасно! Мясо чувствует их. Нам нужны просто братья!

– Я зову их.

Трив вышел, принялся менять переднее колесо. Внедорожник с торчащим крылом проехал мимо и остановился в десяти метрах. Обу опустил темное стекло. К «Мерседесу» подъехала белая «Тойота» ДПС с мигалкой. Из нее вышел полноватый лейтенант с одутловато-недовольным ли-

цом, незажженной сигаретой в пухлой руке, козырнул:

– Здорово живете!

Продолжая крутить домкрат, Трив поднял голову:

– Здоров.

– Оба сразу? Дела! Как говорится, и на мерина бывает проруха. Помочь?

– Обойдемся, лейтенант, своими силами. – Мэрог ответил вместо Трив, опуская свое темное стекло и держа пистолет наготове. – Этих сил у нас теперь – хоть жопой ешь!

Обу, Мэрог и Трив рассмеялись.

– Это точно... – усмехнулся лейтенант и нервно зевнул, захлопал по карманам. – Блин, куда же я ее... как всегда в машине...

Он обернулся, чтобы крикнуть напарнику, но Мэрог высунул в окно руку с зажигалкой, щелкнул:

– Землячок.

– Ага... – лейтенант наклонился, прикурил. – Спасибо. Ну ладно, бывайте.

– Бывай.

Лейтенант, попыхивая сигаретой, сел в «Тойоту», и она уехала.

Мэрог прикрыл глаза и облегченно выдохнул:

– Надо положить себя на Лед.

– Лед – наш престол. Он дает равновесие. А Свет дает силу.

– Свет дает силу, – повторил Мэрог и снова прикрыл гла-

за.

Трыв поменял колеса.

«Мерседес» поехал дальше. Мэрог снова открыл чемодан и осторожно взял руку спящего мальчика:

– Мясо сильно. Но у его сил есть пределы.

– Мясо опасно, брат Мэрог. Но у него нет престола, – произнес Обу.

– Мясо только алчет и клубится, – добавил Трыв, протирая руки влажной салфеткой.

– Потому что чувствует близкую гибель, – добавил Мэрог, бережно сжимая безвольные, прохладные пальцы мальчика.

«Мерседес» свернул на Киевское шоссе в сторону аэропорта Внуково.

Малый Круг надежды

Сердце мое чувствует присутствие братьев.

И я покидаю свой сон. Который постоянно вижу последние годы. Сон, помогающий мне спать на планете Земля. *Сияющий сон мой. Сон, который всегда со мной:*

Мы наконец вместе, все, все, все до единого, мы приближаемся к Месту, оно уже совсем близко, я вижу его, оно выплывает из тумана, оно неминуемо, оно так желанно и неизбежно, что я боюсь потерять сознание в последний момент и держусь, держусь, держусь за братьев и сестер, руки мои обнимают их, я в их толпе, в родной толпе, я прижимаюсь к ним, я трогаю их тела, которые совсем скоро растворятся в Свете, растворятся вместе со мной, растворятся навсегда, я вглядываюсь в лица, в родные лица, окружавшие меня все эти десятилетия, помогавшие идти к нашей цели, я слушаю биение их сердец, последние удары этих мясных моторов, прятавших Свет, присущий нам, Свет, которым скоро станем мы все, Свет Изначальный, Свет, не давший нам погибнуть на страшной планете Земля, Свет, который совсем, совсем, совсем рядом.

Рука брата Мохо трогает мое лицо. Я узнаю и вспоминаю. И просыпаюсь телом. Открываю глаза. Брат Мохо и сестра Тбо стоят в изголовье моего ложа. Они взволнованы. И я сразу понимаю – почему. Им не надо произносить убогих зем-

ных слов: сердца их *лучатся* радостью. Я *слушаю* их сердца. И понимаю, *какая* это радость. Сердце мое *трепещет* ожиданием. Оно гораздо старше и сильнее сердец братьев. Но не потеряло способность *невинно трепетать* ожиданием. Сердце мое *дрожит*. Совсем как тогда, в Альпах, куда я попала девочкой. Грудь моя кровоточила. Ледяной молот потряс ее. И разбудил юное сердце. А старик Бро *коснулся* моего сердца. Так, что оно *затрепетало* сладким ожиданием Света.

Я шевелю пальцами. И поднимаю свои худые руки. Протягиваю их братьям. Дрожат мои руки. Склонясь, Мохо и Тбо берут мои ладони. Кладут себе на грудь.

Сердце мое *приветствует* их сердца.

Мохо и Тбо снимают одеяло с тела моего. Из горных трав, продлевающих жизнь плоти, соткано оно. Старое тело мое встречается с воздухом Земли. Горек этот воздух и разрушителен.

Входят братья Мэф и Пор, помогающие мне каждое утро. Тела их молоды и мускулисты. Дышат они силой и покоем. Мощные руки братьев подхватывают тело мое. Измождено оно земною жизнью. Иссошено сердечным веданием. Испито страданиями от *отсутствия* Дара Поиска. Дара, которым обладали только Бро и Фер. Дара, позволяющего *найти всех сразу*. Дара, который так и не открылся мне *одной* за эти шестьдесят лет. Которого я так *мучительно* жаждала всю свою *настоящую* жизнь. О котором *постоянно* молило

сердце. О котором ревел мозг. О котором кипела кровь. О котором гудели кости.

Руки братьев несут меня в просторный каменный зал. Голубая раковина ждет меня. Братья бережно кладут немощное тело мое в теплую раковину. Парным коровьим молоком наполняется она. Бурлит молоко и пенится. Глотает мое тело. В зале звучат голоса братьев. Каждый из них тихо говорил что-то. И каждого из них *помнит* мое сердце. Десятки, сотни голосов сплелись в невидимый рой под мраморным куполом. Они всегда со мной. Я *слушаю* их. Голоса звенят. С этой музыки начинается каждое утро мое.

Я закрываю глаза.

И повисаю в пространстве.

И вижу сердцем всех *наших*.

В эту секунду их 21 368.

Вместе со мной – 21 369.

В мире мясных машин обретаются оставшиеся 1631. Их голосов не слышно в хоре. Я не *вижу* их сердец. Они еще ждут пробуждения. Ждут встречи с ледяным молотом. Ждут нас.

Быстро отдав мне свое тепло, парное молоко уходит из раковины. Мэф и Пор поднимают меня. Оборачивают простыней, сотканной из отборного льна. Сажают на два синих камня. Пальцы братьев помогают слабому телу моему избавиться от переработанной пищи Земли. Затем они обмывают меня под ледяной струей горной воды. Кристальная струя

взбадривает. Память о спокойных льдах гор хранит она.

И я начинаю жить.

Мэф и Пор переносят меня в гардеробную. Я сажусь на теплый мрамор. Выбираю платье на сегодняшний день. Разные оттенки у платьев моих – от бледно-голубого до темно-синего. Но у всех платьев покрой один и тот же.

Знаю сердцем, что сегодняшний день особенный. Выбираю шелковое платье чистейшей голубизны. Сестра Вихе бирюзовым гребнем расчесывает мои редкие и совершенно седые волосы. Сестры Нюз и П растирают тело мое кунжутным маслом. Опершись на руки сестер, встаю я. И платье облекает меня. Сестры берут меня под руки. Ведут в небольшую круглую комнату. Из пурпурного камня гор вырублена она. Здесь капает вода и стоит чаша с чаем из таежных трав. Дают силу они старому телу моему. По утрам нахожусь я в этой комнате 23 минуты. Пригубливая чай маленькими глотками, *отпускаю* сердце. И сосредоточиваюсь умом. Сфера пурпурная заставляла меня вспомнить беспощадный мир Земли. Язык мясных машин вспоминаю я, их нравы и желания. Всплывает их угрюмый мир во мне. Готовит меня к борьбе дальнейшей.

После сферы пурпурной приступаю я к делам.

Но сегодняшний день особенный. И *особенное* дело на-
двигается. Мир мясных машин не интересуется меня. Иду я в зал Трапезы. Просторный он, белый. Окна открыты. Шум прибоя доносится с берега. Бьется неподалеку Океан, нами

созданный. Рокот его напоминает о Великой Ошибке. Посреди Трапезной большой круглый стол из камня сиреневого. Средний Круг помещается за столом. 230 братьев и сестер.

Я сажусь за стол. Фрукты и овощи лежат здесь. Каждое утро садятся за стол все братья и сестры, живущие со мной в Доме на острове. Сегодня они тоже здесь. Я *вижу* их сердца.

Га, Норо, Рат, Мохо, Тбо, Мэф, Пор, Вихе, Ньюз, П, Шэ, Форум, Дас, Руч, Би, О, Ву, Сам, Он, Ут, Зе и Югом сидят со мной. Но не для того, чтобы начать трапезу, как обычно. Они хотят сообщить мне что-то очень важное. Они знают то, о чем *сладко* догадывается мое сердце. О чем я мучительно грезила последние годы. Что *нарастал* предчувствием. Что билось в сердце световой волной. И чего так *жаждали* все мы.

В зале Трапезы нами принято говорить только на земном языке. Дабы сердца наши были спокойны во время поглощения пищи. Но это утро мы не помним о еде. Брат Га, мой главный помощник в доме, нарушает тишину:

– Храм, он уже с братьями.

– Я *ведаю*, – отвечаю я, сердце сдерживая.

– Мясо клубится, – вздрагивает сестра Шэ. – Мясо противится Братству.

– Я *ведаю*.

– Мясо порождает трудности, – смотрит *прямо* Форум.

– Я *ведаю*, – отзываюсь я, справляясь со *сполохом* сердеч-

НЫМ.

– Братство борется за него, – говорит брат Ву. – Он на пути к нам.

– Я *ведаю*.

– Щит прикрывает его.

– Я *ведаю*.

– Если Свет раздвинет мясо, сегодня к вечеру он будет здесь, – говорит сестра Зе.

Не в силах она сдерживаться. *Вспыхивает* сердцем.

– Я *знаю*! – отвечаю я, *воспламеняясь* ответно.

Сильное сердце мое *вспыхивает*. Нарушает оно строгий порядок Дома. Мы *говорим* сердцами. Мы слишком долго ждали. И столько раз ожидание не сбывалось. Но и в этот раз сердца всех обитателей Дома только *верят*. А я – *знаю*! Потому что я *хотела*! Я *ужасно* хотела знать, что на этот раз все сбудется, все встанет на места, все сложится, все сойдется, совпадет, сольется воедино: приоткроется мясная завеса, обретутся оставшиеся и затерянные, замкнется Великий Круг. И просияют сердца. И распадутся мышечные волокна. И треснут кости. И распылится мозг. И оборвется цепь страданий. И Свет рассеет по Вселенной атомную пыль.

Сердце *не ведало* иного прежде.

Сердце *не ведает* иного теперь.

Сердце *говорит* о главном.

Мы замираем за круглым столом.

Сердца наши *пылают*.

Заветные слова *лучатся*. *Текут* Светом Изначальным. В доме нас теперь ровно 23. Малый Круг. Самый Малый. Есть Средний (230) и Большой (2300), составляемые Братством по судьбоносным мгновениям. Это Круги Поддержки. И Решений. Но сегодня, в день *ожидания*, есть Малый Круг. Это Круг Надежды. Ибо восемь раз мы *ждали*. Восемь раз *наде-ялись*. Восемь раз *верили*. И надежде не суждено было сбыться. Страшный мир Земли восемь раз отнимал у нас Самую Главную Надежду.

Сегодня мы *надеемся* в девятый раз. Малым Кругом Надежды. Составив его, мы *знаем*, что еще шесть Малых Кругов образованы Братством в эти минуты. Далеко они отсюда. Океан разделяет нас. В разных странах соединились шесть Малых Кругов. Братья *чувствуют* нас. Сердца их *горят* надеждой. Я *вижу* сердцем все эти Круги. Каждый из них.

Я *говорю* с ними.

Наш Круг *говорит* с ними.

48 земных минут.

Сердца наши *успокаиваются*. Руки разжимаются. Я открываю рот и полной грудью вдыхаю горький воздух Океана. Воздух нашей Великой Ошибки. Которая требует исправления.

Братья и сестры смотрят на меня.

Сердца их *вслушиваются*.

– Мы должны быть *готовы*, – шепчу я.

Сердца *понимают*.

Сердца трех

На одиннадцатом километре Киевского шоссе «Мерседес», за рулем которого сидел Обу, на большой скорости стали обгонять черный «Геландеваген» с включенным синим проблесковым сигналом и следующий за ним джип охраны.

Обу, Трыв и Мэрог радостно вскрикнули.

– Это Уф! – застонал и *вспыхнул* Мэрог. – Слава Свету! Щит с нами!

– Свет с нами! – произнесли Трыв и Обу.

– Свет с нами! – радостно повторил Обу, направляя «Мерседес» вслед за джипом.

Кортеж из трех черных машин понесся дальше.

Свернули на Внуково, затем к аэродрому, миновали главный терминал и подъехали к терминалу частных самолетов. «Геландеваген» остановился, задняя дверь его приоткрылась. И сразу же Мэрог вышел из «Мерседеса» с синим чемоданом в руках, осторожно передал чемодан в «Геландеваген». Его *жадно* приняли две пары рук. Одни руки он не мог не узнать – решительные, белые, с золотистыми волосиками на широких запястьях и небольшими розовыми ногтями.

– Уф! – выдохнул Мэрог, и сердце его *вспыхнуло* восторгом.

Но чемодан исчез в недрах «Геландевагена», дверь с за-

темненным окном закрылась, машина подъехала к шлагбауму терминала. Провожая ее восторженным взглядом, Мэрог приложил руки к груди. Губы его задрожали, ноги подкосились. Он упал на колени:

– Уф...

Обу и Трыв выскочили из «Мерседеса», подбежали, стали поднимать Мэрог. Подошел милиционер, прохаживающийся возле терминала:

– Что случилось?

Обу и Трыв подняли Мэрог на ноги.

– Сердце, – ответил Обу милиционеру.

– Уф... – произнес Мэрог и со стоном втянул в себя воздух.

Обу и Трыв повели его, пошатывающегося, к машине.

– Работы до хрена, вот и схватило... – болезненно скривил губы Обу, минуя уставившегося милиционера.

– Ну... давайте я дежурного врача вызову? – Милиционер вынул рацию из кармашка.

– Спасибо, земляк, у нас все есть, – ответил Трыв.

Они усадили Мэрог в «Мерседес», Обу развернул машину и стал отъезжать.

После короткой проверки документов «Геландеваген» миновал шлагбаум и выехал на аэродром. За ним проследовал джип охраны. Подъехав к небольшому реактивному самолету, машины остановились. Охрана вышла, обступила «Геландеваген». Из него вышли Уф и Борк. Уф нес кейс,

Борк чемодан. Один из охранников потянулся к чемодану, но Борк качнул головой:

– Не надо, я сам.

Уф пожал руку начальнику охраны, тот пожелал счастливого пути. Люк самолета открылся, спустили трап. Красивая голубоглазая стюардесса в голубой униформе и голубых перчатках показала в люке и тепло улыбнулась. Уф первым поднялся по ступенькам, пожал руку стюардессе, прошел в салон, кинул кейс на кресло. Борк следом внес чемодан, поставил в салоне. Из кабины вышли двое пилотов, поприветствовали Уф, доложили о готовности к полету. Пилоты не были братьями Света. Уф перебросился с ними парой формальных фраз, и они скрылись в кабине. Стюардесса, сестра Но, заперла дверь салона. Борк и Уф положили чемодан на стол, открыли. Мальчик спал. Борк сильно побледнел, вздрогнул, *вспыхнул*. Губы его задрожали, он опустился на колени подле чемодана, вцепился руками в ковер, схватил, сжал, ломая ногти. Из груди его вырвался стон. Сестра Но, увидев мальчика, закрыла лицо тонкими пальцами.

Уф хранил спокойствие. Его могучее сердце, совершившее много подвигов во имя Света, было послушно ему. Осторожно развернув мальчика, он уложил его поудобнее, сел в кресло, положил руку на вздрагивающую белобрысую голову Борк. И быстро *помог* сердцем. Щеки Борк порозовели, глаза прикрылись, голова бессильно свесилась на грудь.

– Свет с нами, – произнес Уф, прикрывая свои маленькие

белесые ресницы.

– Свет... Свет... с... – чуть слышно пролепетал Борк и со стоном повалился навзничь.

Страхнув оцепенение, Но склонилась над Борк.

– Его сердце устало ждать, – произнес Уф.

– Помоги, – попросила Но. – Я не справлюсь.

Уф приблизился, взял Борк за одну руку, Но – за другую. Сердца их *помогли* сердцу Борк. Он открыл глаза. Его подняли, посадили в кресло.

– Свет скоро избавит тебя от тела. – Уф коснулся кончиками пальцев бледного, покрывшегося испариной лица Борк.

Борк непрерывно смотрел на мальчика. Отстранив руку Уф, захотел встать. Но Уф удержал его:

– Положи себя на Лед.

Борк со стоном закрыл глаза. Но, вздрагивая всем телом, взяла Уф за руку и держалась за нее, как за *якорь*, непрерывно косясь на спящего в чемодане мальчика.

– Держитесь в себе, – сказал Уф.

И почувствовал приближающиеся *сильные* сердца, глянул в иллюминатор: к самолету подрулил черный «Мерседес-600» с правительственным номером в сопровождении милицейской «Ауди».

– Братья! Слава Свету! – Но прижала руку Уф к груди, встала и кинулась к выходу.

Вскоре в салон вошли братья Одо и Ефеп. Большой, полный, седовласый, синеглазый и длиннородый Одо был об-

лачен в темно-лиловую рясу. На груди у него висели крест и панагия митрополита, пухлая белая рука сжимала посох. Невысокий Ефеп, с коротким ежиком седоватых волос на подвижной голове, белыми усами, мутно-голубыми глазами и небольшой бородкой, был одет в светло-серый костюм с трехцветным значком депутата Государственной думы РФ на лацкане.

Закрыв за ними дверь салона, Но встала у двери.

Войдя, братья остановились. Глаза их тоже остановились. На спящем в чемодане мальчике. Одо отдал посох Но и, не спуская с мальчика глаз, медленно присел на пол перед чемоданом, шурша рясой. Ефеп стоял неподвижно. Слегка выкаченные глаза его смотрели не мигая.

Уф шагнул к ним. Протянул руки.

Ефеп протянул свои. Одо медленно поднял свои могучие длани. Руки трех братьев соединились над спящим, образуя круг. Братья закрыли глаза.

Борк в кресле и Но с посохом у двери замерли.

Через пару минут легкая дрожь пробежала по плечам братьев. И руки их разжались.

– Да! – тяжелым басом произнес Одо, открывая глаза.

– Да... – прошептал Ефеп, облегченно выдохнув.

– Да, – четко произнес Уф.

Борк всхлипнул и зажал себе рот, скорчась от радости в кресле. Бросив посох, сестра Но кинулась к Борк, дрожа обняла его.

Одо, Ефеп и Уф не обратили на них внимания.

– Я был уверен. Но не совсем, – проговорил Уф.

– Даже Храм не *видит* спящие сердца, – пробормотал Ефеп, быстро моргая.

– Храм *ведает*, но не *видит*, – пророкотал Одо. – Лишь Большой Круг способен *видеть*.

– Только если спящее мясо будет в центре Большого Круга, – возразил Ефеп.

– Спящему мясу уже не нужен Большой Круг, – резко выдохнул Уф.

– Спящее мясо здесь, – пробасил Одо, поднимая посох с пола, вставая с колен и привычно оглаживая бороду.

– Мясо проснется. – Ефеп осторожно приблизил свое лицо к мальчику.

– Мясо станет Светом! – потрянул седой гривой Одо.

Борк и Но рыдали.

– Положите себя на Лед! – пророкотал Одо, стукнув в пол посохом.

Борк и Но смолкли, всхлипывая.

– Брат, мы *сердцем* завидуем тебе. – Ефеп взял Уф за руку. – Ты летишь с ним.

– Ты увидишь Храм. Ты поможешь *встрече*! – подхватил Одо.

– Ты замкнешь Великий Круг! – Ефеп крепко сжал руку Уф.

– Вам нельзя лететь со мной, – произнес Уф, *поддерживая*

сердцем.

– Мы знаем, – ответил Одо.

– Мы знаем, – успокоился и *успокоил* Уф Ефеп.

– Я тоже *знаю* это, – мучительно улыбнулся Уф, и рыжеватые маленькие ресницы его сомкнулись. – Ваше место здесь. Мясо клубится.

– Мы *сдержим*! – уверенно пророкотал Одо.

Мальчик застонал во сне. Все, кроме Уф, насторожились.

– Ему спать еще четыре часа, – сказал Уф. – Пора, братья.

Одо и Ефеп кратко *вспыхнули*:

– Уф! Но! Борк!

– Одо! Ефеп! – ответно *вспыхнули* остающиеся.

Ефеп вышел первым из салона. Одо кинул тяжкий взгляд на спящего, *погасил* сердечный сполох, стукнул посохом в пол и вышел, яростно шелестя рясой.

Борк, Уф и Но сняли с мальчика памперс, одели его в синие шорты и голубую майку с большой алой клубникой на груди. Положили спать в кресло.

Уф нажал кнопку вызова пилота. В дверь салона деликатно постучали. Сестра Но открыла. Вошел худощавый, стройный, черноволосый, кареглазый и чернобровый пилот. Уф пожал ему руку. Пилот покосился на спящего мальчика, быстро перевел взгляд на Уф:

– Мы готовы?

– Да, – кивнул Уф.

– Я зову пограничников. – Пилот вышел.

Вскоре к самолету подрулила зеленая «Лада» погранслужбы. На борт поднялись молодой лейтенант и среднего возраста капитан, стали проверять паспорта и багаж. Мальчик был вписан в паспорт Уф как его сын.

– Нагонялся в футбол, поди? – с улыбкой покосился лейтенант на спящего мальчика, ставя в паспорте штамп «вылет».

– Если бы! – грустно покачал головой Уф, забирая паспорт. – Компьютерные игры. И оторвать невозможно.

– В шесть лет? Здорово! – Лейтенант одобрительно покачал головой.

– И куда все катится с этими компьютерами? – заискивающе заглянул в глаза Уф круглолицый таможенник.

– На тот Свет, – серьезно ответил Уф.

Борк и Но *сладко* вздрогнули сердцем. Таможенник как-то потух и заскучал, кивнул и направился к выходу.

– Счастливого пути, – улыбнулся лейтенант.

– Счастливо оставаться, – ответил Уф.

Офицеры вышли. Люк закрыли. Двигатели самолета загудели, он стал выруливать на взлетную полосу.

– Когда он проснется, мы будем лететь. – Уф пристегнул ремнем мальчика, сел в кресло рядом и пристегнулся сам. – Нужна будет еще небольшая доза. Но не глубокий сон. Там тоже граница.

– Я подберу нужное, – ответила Но.

Самолет взлетел.

Уф глянул в иллюминатор на удаляющуюся страну Льда
и облегченно откинул свою крепкую рыжеволосую голову на
чистый и белый подголовник кресла:

– Gloria Luci!³

---

³ Слава Свету! (*лат.*)

Арсенал

7 июля в 4.57 по местному времени товарный поезд Усть-Илимск – Санкт-Петербург – Хельсинки пересек границу Финляндии и стал тормозить в таможенном пакгаузе. Косой луч только что взошедшего солнца заскользил по двум голубым, сцепленным вместе тепловозам и восемнадцати серовато-белым вагонам-рефрижераторам с огромной голубой надписью «ЛЁД». Как только состав остановился, к тепловозам подошли младший лейтенант таможенной службы и двое полицейских с овчаркой. Голубая дверца второго тепловоза открылась, и по стальной лестнице спустился высокий стройный блондин в светло-синем летнем костюме и бело-голубом галстуке с серебристой заколкой фирмы «ЛЁД». В руке он держал голубой кейс.

– Хювяа хуомента!⁴ – бодро произнес блондин и улыбнулся.

– Топрое утро, – не очень бодро ответил низенький остроносый таможенник с редкими усиками.

Блондин протянул ему паспорт, тот быстро нашел печать с отметкой о пересечении границы, вернул паспорт, повернулся и засеменил к белому зданию таможни. Блондин размашисто двинулся рядом, полицейские остались возле поез-

---

⁴ Доброе утро! (финск.)

да.

– Судя по запаху гари, у вас тоже засушливое лето? – заговорил блондин на отличном финском.

– Да. Но это горят ваши торфяники, – неохотно ответил таможенник.

Они вошли в здание, поднялись на второй этаж. Сопровождающий открыл дверь в небольшой кабинет. Блондин вошел, таможенник закрыл за ним дверь, оставшись в коридоре. За столом сидел полноватый и лысоватый капитан таможенной службы, пил кофе и перебирал бумаги.

– Здравствуйте, господин Лаппонен.

– Николай! Здравствуй! – Капитан улыбнулся, подавая пухлую крепкую руку. – Что-то давно мы с тобой не виделись!

– Два последних поезда были днем. Принимал господин Тырса. – Блондин пожал протянутую руку.

– Да, да, да... – Капитан с улыбкой смотрел на блондина. – Ты всегда бодрый, подтянутый. Приятно смотреть.

– Спасибо. – Блондин щелкнул замком кейса, открыл, протянул папку с документами.

Лаппонен взял их, надел узкие очки в тонкой золотой оправе, пролистал:

– Как всегда, восемнадцать?

– Восемнадцать.

Блондин вынул из кейса маленький ледяной молот, длинной с мизинец, с кусочком горного хрусталя вместо льда и

положил на документы.

– Это что такое? – поднял брови Лаппонен.

– Фирме «ЛЁД» в этом году исполняется десять лет.

– А-а-а! – Лаппонен взял сувенир. – А я уж подумал – ты мне взятку хочешь дать!

Они рассмеялись.

– Десять лет! – Лаппонен вертел крошечный молот. – Время несется, как Шумахер. А мы стоим на месте. И таращимся. Ладно, пошли глянем...

Он встал, взял папку:

– Теперь каждый вагон досматривают. И я обязан присутствовать. Такие времена, сам знаешь.

– Знаю.

– Закон есть закон.

– Закон делает нас людьми, – произнес блондин.

Лаппонен посерьезнел, вздохнул:

– Хорошо ты сказал, Николай. Если бы все русские это понимали.

Они подошли к поезду. Началась процедура таможенного досмотра. В каждом вагоне-рефрижераторе лежал лед, напильный одинаковыми метровыми кубами. Последний вагон был заполнен лишь на одну треть.

– В Сибири не хватило льда? – усмехнулся Лаппонен, ставя печать на накладную.

– Не успели с погрузкой. – Блондин забрал документы, убрал в кейс.

Лаппонен протянул руку:

– Счастливого пути, Николай.

– Счастливо оставаться, господин Лаппонен, – пожал ее блондин.

Таможенники пошли к зданию, блондин – к голове поезда. Дойдя, поднялся на тепловоз по лестнице, закрыл за собой дверь. Впереди поезда загорелся зеленый свет, состав тронулся и пополз. Блондин открыл дверь салона. Отделанный в стиле хай-тек, с сиренево-серой мягкой мебелью, прозрачной барной стойкой и четыремя маленькими спальными купе, салон был деликатно подсвечен мягким голубоватым светом. В кресле дремал второй машинист, за стойкой позвякивала посудой рослая блондинка-проводница.

– Все. – Блондин сел в кресло, положил кейс на стеклянную полку.

– Как долго теперь... – Потянулся, просыпаясь, рыжеволосый машинист.

– Новые времена у мясных. – Блондин снял пиджак, повесил на вешалку, зевнул. – Мир, дай мне...

– Серого чая, – подхватила проводница, косясь темно-синими глазами.

– Точно. И добавь к этому четыре сливы.

Проводница исполнила, принесла на подносе, подала:

– Ты совсем не спал, Лаву.

– Сон со мной, – ответил он и надкусил сливу.

Проводница села рядом с ним, положила ему голову на

колени и сразу заснула.

Лаву съел сливы, выпил сероватый настой. И закрыл глаза. Второй машинист последовал его примеру.

Поезд набрал скорость и пошел по лесистой местности.

Через 48 минут он затормозил, свернул с главной магистрали и медленно пополз через густой еловый лес. Вскоре впереди в лесу обозначился пологий холм и большие серебристые ворота с голубой надписью «ЛЁД». Поезд подошел к воротам и дал сигнал. Ворота стали раздвигаться.

Спящие в салоне проснулись.

– Слава Свету, – произнес Лаву.

Проводница и второй машинист сжали его руки.

Состав проехал ворота. Сразу за ними начинался тоннель, уходящий под землю. Въехали в темный тоннель. Но ненадолго: впереди прорезался свет, по обе стороны стали наплывать узкие платформы, матово засияли голубым и белым гладкие стены.

И поезд остановился.

Сразу же к нему подошла многочисленная охрана в голубой униформе и подъехали на автопогрузчиках рабочие в белых комбинезонах и касках. Лаву, с кейсом в руке, первым сошел на платформу и, не обращая ни на кого внимания, быстрым шагом направился к стеклянному лифту в середине платформы. На ходу вынул электронный ключ, приложил к трехгранной выемке. Двери лифта бесшумно раздвинулись, Лаву вошел. Двери закрылись, лифт тронулся на-

верх. И быстро остановился. Лаву вышел и оказался у массивной стальной двери с видеокамерами и трехгранной выемкой для электронного ключа. Он приложил ключ. Двери разошлись, открывая большой светлый, голубовато-зеленый и совершенно пустой зал с огромной мозаичной эмблемой фирмы «ЛЁД» во весь пол: два скрещенных ледяных молота под алым, пылающим огнем сердцем. На сердце стоял седовласый худощавый старик в белом, с белой, аккуратно подстриженной бородой. Желтовато-синие глаза внимательно смотрели на Лаву. Лаву поставил кейс на мраморный пол:

– Шуа!

– Лаву!

Они подошли друг к другу и обнялись. Старик был гораздо *мудрее* сердцем. Поэтому, зная, какой далекий путь проделал Лаву, он *сдержал* свое сердце, позволив ему лишь короткую и мягкую *вспышку* – братское приветствие.

Лаву облегченно замер в объятиях старика: сердце Шуа всегда дарило *неземной* покой.

Старик первым разжал объятия, морщинистой, но твердой рукой коснулся лица Лаву и произнес по-английски, с американским выговором:

– Свет с нами.

– Свет в твоём сердце, брат Шуа, – очнулся Лаву.

Старик в упор вглядывался в красивое молодое лицо Лаву, словно видел его впервые. Он сохранил способность *радоваться* встрече с каждым братом, как в первый раз, словно

открывая заново родное сердце. Это давало старику *огромную* силу. Шуа *видел* сердцем дальше и глубже многих братьев Света.

– Ты устал после дороги, – продолжал Шуа, беря Лаву за руку. – Пойдем.

Лаву шагнул, но обернулся, глянул на оставленный на полу голубой кейс. Он стоял прямо на одном из огромных ледяных молотов мозаики, совпадая цветом со льдом и почти полностью исчезая из-за такого совпадения.

– Теперь это уже не нужно, – улыбнулся Шуа. – Никому не нужно.

Они вышли из зала и сразу же оказались в апартаментах Шуа. Здесь все было просто и функционально, но во всех комнатах присутствовал камень холодных оттенков. Шуа провел брата в комнату Покоя. Лаву встретили братья Кдо и Ай, приветствовали сердечным объятием, раздели, натерли маслами, уложили в ванну с травяным настоем и удалились. Шуа подал чашу с ягодным чаем.

– Я еще не верю. – Лежа в ванне из лабрадора, Лаву сделал глоток из чаши, откинулся на каменный выступ. – Сердце *ведает*, но разум не хочет верить.

– Твой разум иногда сильнее сердца, – произнес старик.

– Да. И меня огорчает это.

– Не огорчайся. Твой мозг много сделал для братства.

– Слава Свету.

– Слава Свету, – повторил старик.

В комнате повисла тишина. Лаву сделал еще глоток, облизал губы:

– Что мне делать теперь?

– Сегодня ты полетишь к Храм. Ей необходима помощь. Твоему сердцу это тоже поможет.

Лаву ничего не ответил. Молча и неспешно пил чай. Все это время старик неподвижно сидел поодаль. Наконец Лаву поставил пустую чашу на широкий край ванны, встал и вышел из зеленоватой воды. Старик подал ему длинный халат, помог надеть. Они перешли в трапезную. Здесь горели шесть больших свечей и стоял круглый стол с фруктами. Шуа взял гроздь темно-синего винограда, Лаву – персик. Они стали молча есть, пока не насытились.

– Почему Храм зовет меня? – спросил Лаву.

– Она *встречает*, – ответил Шуа.

Сердце Лаву *встрепенулось*. И *поняло*. Он задрожал.

– Ей нужен Круг, – еле слышно произнесли губы Лаву.

– Ей нужен сильный Круг, – отозвался Шуа. – Круг тех, кто *знает* Лед. Теперь ты будешь с ней. До конца.

– Но ты сильнее меня сердцем. Почему ты не с ней?

– Я не могу оставить Арсенал. Я *держу* его сердцем.

Лаву *понял*.

Желто-синие глаза Шуа смотрели неотрывно. Его сердце *помогло* Лаву вспомнить Храм. Он видел ее дважды. Но только раз говорил с ней сердцем. Это сердце *потрясло* Лаву. Оно *ведало* без преград.

– Когда я вылетаю? – спросил он.

– Через четыре с половиной часа.

Лаву унял дрожь пальцев, вдохнул и выдохнул:

– Могу я в последний раз увидеть Арсенал?

– Конечно. Мы *обязаны* побывать там.

– Сейчас. Сию минуту!

– Нет, брат Лаву. Сию минуту твоему сердцу требуется глубокий сон в моей спальне. Ты возбужден. И теряешь равновесие. В Арсенал входят только сильные сердцем.

– Согласен, – произнес Лаву, помедлив.

– Я разбужу тебя, когда нужно.

Через два часа десять минут они вошли в лифт. Лаву отдохнул на просторной кровати Шуа, устланной белым мхом, и выглядел бодрым и спокойным. На нем был все тот же летний светло-синий костюм и свежая белая сорочка. Лифт поехал вниз. И когда остановился, у дверей возникли рослые охранники-китайцы с автоматами. Миновав их, Шуа приложил свою ладонь к светящемуся квадрату. Дверь поползла в сторону. Они вошли в большой светлый цех Распила и Обточка. Здесь трудилось несколько десятков молодых китайских рабочих. Проворные руки их, приняв ползущий по конвейеру метровый куб Льда, распиливали его на нужное число частей, обтачивали эти части, высверливали в них впадину, шлифовали и отправляли готовые наконечники ледяных молотов дальше по конвейеру – в цех Сборки. Шуа и Лаву двинулись между рядами трудящихся. Китайцы, не обращая на

них внимания, напряженно и ловко делали свое дело. Быстрые руки их мелькали, стараясь, чтобы Лед не успел подтаять: за каждую каплю полагалось суровое взыскание. Шуа и Лаву медленно прошли цех насквозь. За ним располагался цех Кожи. Все те же молодые китайцы нарезали из шкур животных, умерших своей смертью, узкие полоски и клали их на ленту конвейера, ползущую дальше, в цех Рукоятей, где из дубовых сучьев выстругивались рукояти нужной толщины и длины. Два брата Света миновали и этот цех и вошли в главный – Сборочный. Он был самый большим из всех четырех. Войдя в него, Лаву остановился, закрыл глаза. Шуа осторожно взял его за плечи, *помог* сердцем. Лаву открыл глаза.

В цехе пятьдесят четыре китайца собирали ледяные молоты. Здесь было прохладно, китайцы работали в белых перчатках, шапках-ушанках и синих ватниках. Стены и потолок были расписаны в стиле традиционной китайской пейзажной живописи. С потолка вместе с холодным воздухом лилась спокойная китайская музыка. Готовые ледяные молоты по стеклянному конвейеру уходили вертикально вниз. Лаву подошел к конвейеру и остановился. Глаза его неотрывно следили за плывущими вниз молотами, сердце *приветствовало и провожало* каждый. Шуа *понимал* состояние Лаву. Искусственный свет, неотличимый от дневного, поблескивал на отполированных молотах, искрился на выгибах, затекал во впадины. Ледяные молоты медленно и неуклонно

плыли вниз.

– Сила Льда... – произнесли побледневшие губы Лаву.

– Пребудет с нами... – Шуа сзади сжал его локти.

Лаву не мог оторваться от заворачивающего зрелища уплывающих вниз молотов. Сердце его *вспыхнуло*.

Но Шуа *поддерживал*: сильные руки старика качнули Лаву, сердце *направило*, губы шепнули:

– Вниз!

Они подошли к двери лифта. Он повез их еще ниже. И снова встретила охрана с автоматами: глаза китайцев смотрели безучастно. Открывать самую нижнюю дверь Шуа пришлось не только ладонью: луч просканировал роговицу его глаз, чувствительные датчики вслушались в голос:

– Брат Шуа, хранитель Арсенала.

Стальные ворота полуметровой толщины бесшумно растворились. И сразу же за ними возникла новая команда охраны, во всем белом, в противогазовых масках, с белыми автоматами в белых руках, сторожащие последнюю дверь – небольшую, круглую, из сверхпрочной стали. Паролем этого дня было китайское слово:

– Сяншуго!⁵

Услышав пароль, охрана расступилась, отвернулась. Шуа расстегнул пуговицу рубашки, вытянул платиновый ключ, всегда висящий на его шее, вставил в неприметное отверстие, повернул. Пропели невидимые ледяные колокола, мас-

---

⁵ Желудь (*кит.*).

сивная дверь пошла внутрь и влево. Шуа и Лаву шагнули в проем. Снова прозвенел лед: дверь встала на место.

Перед вошедшими раскинулся Арсенал Братства Света.

Громадное подземелье, узкое, но бесконечно длинное, хранило сотни тысяч ледяных молотов, лежащих ровными рядами в подсвеченных стеклянных сотах. Невысокий сводчатый потолок нависал над спящим Арсеналом Братства. Беломраморные плиты пола хранили идеальную чистоту. Ряды стеклянных ячеек были подернуты инеем: постоянный холод хранил драгоценный Лед. Здесь не было людей: лишь два робота-челнока, словно неусыпные муравьи, скользили по монорельсу над спящими молотами, следя и оберегая их ледяной покой. А чуть поодаль стеклянный конвейер бесшумно пополнял Арсенал: только что изготовленные быстрыми китайскими руками, новые молоты всплывали сверху непрерывным, грозно посверкивающим потоком и вливались в ряды спящего оружия.

Лаву сделал шаг, другой, третий. Шуа стоял на месте, сердцем *отпустил* Лаву.

– Лед... – произнесли губы Лаву.

Пальцы его коснулись стеклянных сот. И вздрогнули. Лаву *вздрогнул* сердцем.

Шуа подошел сзади.

– Льда больше нет *там*, – проговорил Лаву. – Сегодня я сопровождал последний поезд.

– Теперь Лед только здесь, – спокойно ответил Шуа, *не*

помогая сердцем.

– Только здесь... – произнес Лаву.

– Только здесь, – твердо повторил Шуа.

Сердце Лаву *боролось*. Но Шуа упорно *не помогал*.

Лаву опустил на пол. Выдохнул. И после долгой паузы произнес:

– Мне трудно.

Шуа подошел:

– Тебе трудно поверить. И *понять*.

– Да.

– Положи себя на Лед.

– Я *стараюсь*. Хотя Льда *там* больше нет. Мне... трудно.

Голос Лаву задрожал.

– Лед здесь. – Руки Шуа опустились на плечи Лаву. – И он пребудет с нами до самого конца. И его хватит на всех. Я *знаю*. И ты тоже, брат Лаву, *должен* знать это.

Лаву сидел неподвижно, упершись взглядом в мраморные плиты пола.

– Ты *должен* знать это, – повторил Шуа, *не помогая* сердцем.

И сердце Лаву *справилось* само:

– Я *знаю*.

Он легко встал. Сердце его *успокоилось*.

– Кто сделает последний молот? – спокойно спросил он.

– Он уже изготовлен.

– Кем?

– Мною. Мы спустились сюда за ним.

Лаву *понял*.

Шуа коснулся синей кнопки одной из сот. Стекланный экран отошел в сторону. Шуа взял ледяной молот, быстро приложил его к своей груди, моментально *вспыхнул* сердцем, протянул молот Лаву:

– Ты знаешь, кого он должен разбудить.

Лаву взял молот. Приложил его к своей груди, *вспыхнул*:

– Я знаю.

– Ты *не только* знаешь, – уверенно произнес Шуа, *помогая*.

– Я... знаю... – напряженно произнес Лаву.

И вдруг радостно улыбнулся:

– Я *ведаю*!

Шуа с силой обнял его. Ледяной молот коснулся лица Лаву. Лаву сжал древко молота. И вскрикнул. Его бледно-голубые глаза моментально наполнились слезами: сердце его *ведало*.

– Пойдем. Я буду *проводить* тебя, – произнес Шуа.

Горн

Храм сидела на пирсе в своем золотом кресле и смотрела в океан. Так она всегда *встречала*.

К концу дня северо-западный ветер не стих, и волны, разбиваясь и захлестывая пристань, ползли по розовому мрамору к креслу Храм, лизали ее босые, худые и слабые ноги. Бледно-голубые, почти выцветшие, но по-прежнему большие и ясные глаза Храм неотрывно смотрели туда, где скрывшийся за палевыми облаками солнечный диск коснулся океана. Рядом с Храм сидели братья Мэф и Пор, подставив свои мускулистые и загорелые тела влажному ветру. Другие братья и сестры *ждали* в доме, каждый на своем месте.

Сердце Храм *вздогнуло*.

– Уже здесь! – прошептали ее губы.

И опершись костлявыми руками о гладкие золотые подлокотники, она стала приподниматься. Мэф и Пор вскочили, подхватили ее.

– Уже! – повторила она и радостно, по-детски улыбнулась, обнажив старые, пожелтевшие зубы.

Мэф и Пор вгляделись в океанский горизонт: он был по-прежнему пуст. Но сердце Храм не могло ошибиться: прошла минута, другая, третья, и левее мутного, тонущего солнечного диска возникла точка.

Ее сразу заметили из дома: раздались радостные вскрики.

– Мясо не удержало! – Худые пальцы Храм сжали широкие запястья братьев.

От дома по нисходящей лестнице бежали на пирс братья и сестры.

Белый катер приближался.

Храм двинулась к нему, но впереди ее босых и мокрых ног был край пирса. Братья удержали ее. Тело ее вздрагивало, сердце *пылало*.

– Уже здесь! – старчески взвизгнула Храм и забилась в руках братьев.

Худое тело ее извивалось, пена выступила на морщинистых губах. Подбежали братья и сестры, обняли, припали к ногам.

– Положи себя на Лед! – *помог* сердцем Га.

Тут же стали *помогать* другие, сдерживая собственный вой и рыдания. Но сердце Храм не *хотело* ложиться на Лед: скрюченные пальцы впивались в руки и лица братьев, щедушное тело билось и извивалось, пена летела изо рта вместе с хриплым воем:

– Зде-е-е-есь! Зде-е-е-е-есь!!!

Впервые за долгие десятилетия непрерывного, ежеминутного ожидания сердце самой старшей и самой сильной сестры братства *не справлялось* с достигнутым. Сердце *терялось*. Могучее и мудрое, оно вдруг стало совсем юным и неопытным, словно только вчера удар ледяного молота разбудил его. Сердце Храм бессильно *трепетало*.

Братство почувствовало это.

Храм подняли на руки, обступили, прижались телами. Сердца обступивших *вспыхивали*. Храм извивалась. Десятки рук подняли ее к небу с проблесками первых звезд.

– Положи себя на Лед! – говорили губы и сердца.

Храм извивалась.

И словно дошедшая от приближающегося катера большая волна перевалила край пристани и белой соленой пеной окатила толпу борющихся за *растерявшееся* сердце. Храм затихла, провалившись в глубокий обморок. Пор бережно взял ее на свои могучие руки. Сердце Храм легло на Лед, дав ей покой.

Катер приближался.

Все смотрели на него.

Остроносый, белый, он мощно рассекал волны. Сделал полукруг и причалил к пристани. На палубе стоял Уф со спящим мальчиком на руках. Стоящие на пирсе вздрогнули, сдерживая крики. Катер тяжело покачивался на волнах. Бросили конец, пришвартовали, проложили трап.

Уф с мальчиком на руках сошел на пирс. Вслед за ним сошли Лаву с металлическим кофром и Борк.

Братья и сестры молча расступились. Уф сделал несколько шагов по мокрому мрамору. Лицо его было напряжено и неподвижно, словно маска. Но серо-синеватые глаза сияли. И он *как мог* сдерживал свое могучее сердце. Все *почувствовали* это. И тоже сдержали свои сердца. Уф увидел бесчув-

ственную Храм на руках у Пор.

– Что с ней? – спросил он.

– Она *ждала*, – ответил Пор.

У ф *понял*.

– Пойдемте в дом, – произнес он и первым пошел вверх по лестнице.

За ним двинулся Пор. Остальные тронулись следом. Ветер с океана дул им в спины, теребил одежду, трепал длинные белые волосы бесчувственной Храм.

Уф с мальчиком на руках вошел в дом, миновал малую террасу, агатовый коридор и оказался в зале Пробуждения. Круглый, зеленовато-голубой, просторный, он служил местом для сердечного разговора. И в этом же зале пробуждали сердца новообретенных, открывали им путь к Свету Изначальному. Высокие узкие окна были открыты, круглый полупрозрачный купол нависал над залом.

Уф осторожно положил мальчика в центр небесно-синего мозаичного круга. Отошел и опустился на пол. Братья и сестры молча расселись по краю круга. Пор опустил Храм на прохладный пол рядом с Уф, и тот бережно принял в свои руки беловолосую голову мудрой сердцем.

В зале наступила тишина.

Только слышался океанский прибой да сонно перекликались пеликаны на побережье, готовясь к ночи.

– Откройте небо, – приказал Уф.

Полупрозрачный купол бесшумно раздвинулся. Над голо-

вами сидящих в круге распростерлось вечернее небо с молодым месяцем, подсвеченное оранжево-розовым на западе. Солнце зашло. С каждой минутой звезды проблескивали сильнее. Полумрак наполнил зал. Фигуры сидящих застыли. Темнота спускалась с темно-синего неба. И лица братьев и сестер тонули в ней.

Наступила ночь.

Храм зашевелилась. Ее слабый стон раздался в зале. Уф осторожно приподнял ее голову. Губы Храм раскрылись в темноте:

– Он... здесь. С нами...

– Да, – тихо ответил Уф и *бережно* повторил ей сердцем.

Храм пришла в себя. Ей помогли сесть. Отвели с лица длинные волосы. И она *узрела* спящего мальчика.

– Он скоро проснется, – сказал Уф.

– Я *знаю*, – прошептали ее губы.

Все снова замерли.

Над открытым потолком зала пролетела ночная птица.

Мальчик пошевелился.

По темным фигурам сидящих в круге пробежала дрожь. Но Храм уже *овладела* своим сильным сердцем. Сердце повиновалось. Она *знала*, что делать. И *ведала*, что делать это надо быстро.

Мальчик поднял голову. Затем неуверенно приподнялся с мраморного пола, сел. Его слегка покачивало. Он повертел головой. Слабо позвал:

– Мам.

Сидящие в круге замерли.

– Ма-а-ам! – позвал мальчик громче.

И снова лег на пол.

Храм сжала руку Уф:

– Возьми его на грудь. *Прикрой. Упрись.*

У ф *понял*. Сорвал с себя рубашку. Подошел к мальчику, взял его сзади под мышки, поднял и прижал спиной к своей груди.

– Мам. Мама! – позвал мальчик и захныкал.

– Молот! – громко потребовала Храм, приподнимаясь.

Лаву поставил кофр к ее ногам. Это был стандартный кофр-холодильник Братства, вмещающий семь ледяных молотов. Щелкнув замком, Лаву раскрыл его. Синий свет осветил внутренность кофра и лицо Храм. В кофре лежал, морозно дымясь, один-единственный молот. Молот Шуа. И сразу же вперед выступили трое неизменных молотобойцев Дома на острове: Дас, Ву и Ут. Их опытные руки раздробили сотни ледяных молотов, разбудив десятки сердец. Но Храм качнула головой:

– Нет. Вы убьете его. Я *ведаю*.

Мальчик хныкал на груди Уф. По кругу прошел ропот: кто ударит? Темные фигуры братьев беспокойно зашевелились: если не могут опытные молотобойцы, то кто сможет? В темноте оживились сестры:

– Храм, я смогу!

– Храм, дай мне молот!

– Храм, мои руки сделают!

Но Храм качала головой:

– Нет.

Все зашумели:

– Кто ударит?

Мальчик хныкал. Уф стоял молча.

Храм наклонилась и взяла молот.

Все стихли.

Держа молот в руках, согнувшись, она двинулась к центру круга. Изможденное, худое тело ее плохо слушалось. Пошатываясь и оступаясь, с трудом перетаскивая костлявые ноги, она добрела до Уф. Увидев ее, освещенную синим светом раскрытого кофра, мальчик замолчал. Встав перед ним, Храм выпрямилась. Хриплое дыхание вырывалось из ее рта. Она сжала рукоять молота. Молот дрожал в ее руках, поблескивая в темноте.

Мальчик неотрывно смотрел на Храм. Она смотрела ему в глаза. Молот подрагивал в ее руках. Медленно она стала отводить его назад, размахиваясь. Сидящие в круге замерли, *направив сердца.*

Уф закрыл глаза, *готовясь.*

Молот описал полукруг и ударил в грудь мальчика. И тут же вылетел из рук Храм, упал на каменный пол, раскалываясь на посверкивающие в темноте голубые куски. Храм со стоном повалилась к ногам Уф. Мальчик вскрикнул и поте-

рял сознание. Сестры кинулись к нему. Уф держал, не открывая глаз. Руки сестер коснулись тела мальчика:

– Говори сердцем!

– Говори сердцем!

– Говори сердцем!

Сердце мальчика молчало.

Уф открыл глаза. Сильное сердце его, перестав быть *накопальной*, ожило. Оно сзади *поддержало* настойчивые сердца сестер:

– *Говори сердцем!*

Голые ноги мальчика дернулись. Все замерли.

– Горн! Горн! Горн! – заговорило пробудившееся сердце.

Уф вскрикнул и, *изнемогая* сердцем, стал падать навзничь. Его подхватили, положили на пол. Мальчика взяли на руки, понесли бегом вниз по золотисто-голубым лестницам, в тихие и уютные покои Новообретенных. Братья и сестры кинулись туда.

Зал Пробуждения опустел.

Лишь на мозаичном полу остались лежать Уф и Храм. Да по-прежнему источал синий свет распахнутый кофр. Храм первая пришла в себя. Приподнявшись на руках, *почувствовала* Уф. Затем *увидела* его. Подползла, легла рядом, обняла худыми руками, мягко *торкнула* сердцем. Лежа на спине, Уф вздрогнул, пошевелился и втянул в себя влажный ночной воздух.

– Горн... – выдохнули его губы.

– Горн, – повторила Храм.

Их сердца *произнесли* новое имя.

– Я верил. Но не *ведал*, – произнес Уф.

– Я не верила. Но *ведала*, – отозвалась Храм.

Над ними в ночном небе сверкнула падающая звезда.

Уф протянул руку, поднял лежащий неподалеку кусочек Льда, сжал пальцами, положил себе на грудь. Пальцы Храм раздвинули его кулак, коснулись Льда. Руки их вместе сжали кусочек Льда.

– Лед *сделал*, – произнес Уф.

– Это *сделал* ты, – отозвалась Храм. – Ты *смог*. Ты *заставил* всех поверить. Всех, кроме меня...

– Я верил. Потому что я *хотел*. Очень хотел.

– Твое сердце *знало*, что доживем. Что *увидим*.

– Оно не *знало*. Но я верил Свету. Свету в моем сердце.

– В твоём мудром сердце.

– Свет помог нам.

– Свет помог нам, – повторила Храм.

– Наш Свет.

– Наш Свет...

Сердца их *сияли*.

Звезды сияли над ними.

Большой Круг

Мэрог управлял железной машиной. Я сидел рядом с ним. Обу, Трыв и Ясто сидели сзади. Мэрог вел железную машину через главный город страны Льда. Часы этого города показывали 18.35. Улицы города были заполнены множеством железных машин. Везущих мясных машин. Которые после рабочего дня направлялись из центра города в свои каменные дома. Где их ждали их близкие мясные машины. Где ждало счастье тела.

Мы ехали из центра города по улице, названной местными мясными машинами в честь одной мясной машины, очень известной в этой стране. Восемьдесят восемь земных лет назад эта мясная машина при помощи своих соратников свергла династию мясных машин, более трехсот лет управлявшую страной Льда, и установила свою власть. Основанную на равенстве всех мясных машин перед новым законом. По которому все мясные машины страны Льда должны были жить одной семьей. И трудиться на благо этой семьи ради счастья тел всех мясных машин страны Льда. Семьдесят четыре года мясные машины страны Льда жили по этому закону. А потом перестали жить по нему. Потому что между мясными машинами не могло быть братства. И они не могли долго чувствовать себя одной семьей и радоваться счастьем чужих тел. Каждая мясная машина хотела прежде всего счастья

своему телу. Ради счастья тела мясные машины могли обмануть, ограбить и убить. Поэтому они не могли долго жить в мире. Мясные машины постоянно соревновались, враждовали, притесняли и обворовывали друг друга. Одни страны нападали на другие. Мясные машины постоянно вооружались, изготавливая оружие все более совершенное. И постоянно убивали друг друга из-за счастья тела. Счастье тела было главной целью мясных машин. А счастье тела наступало тогда, когда телу мясной машины было приятно и удобно существовать. Жизнь ради счастья собственного тела – вот главный закон всех мясных машин на планете Земля.

Медленно продвигаясь в потоке железных машин, мы доехали до площади, названной местными мясными машинами в честь одной мясной машины, сорок три земных года назад совершившей полет на железной машине в околоземное пространство. В те годы страна Льда очень гордилась этим полетом. Потому что мясные машины этой страны смогли изготовить железную машину, способную на такой полет. Правители этой страны хотели показать другим странам мощь своей страны. Чтобы другие страны уважали и боялись страну Льда. На этой площади стояло железное изваяние мясной машины, совершившей тот полет. Это было сделано для того, чтобы местные мясные машины помнили ту мясную машину. Которой уже давно не было в живых.

С этой площади мы свернули направо. И поехали по улице, названной в честь мясной машины, бывшей одним из

правителей страны Льда несколько десятков земных лет тому назад. На этой улице железных машин было меньше. Они обгоняли нас, сидящие в них мясные машины торопились поскорее попасть домой и получить долгожданное счастье тела. Мы проехали мимо каменного здания, на верху которого были четыре позолоченных железных прута, соединенных вместе. Окна в здании были приоткрыты. И из него доносилось пение мясных машин. Они пели о любви к небесному существу, которое, по их убеждению, создало Землю, их и все сущее на Земле. Молясь этому существу и его сыну, пришедшему на Землю, чтобы научить мясные машины жить по-братски, они надеялись, что после смерти им обеспечат новое тело и вечное счастье этого тела. Я видел их склоненные головы в окне. Молясь, они не подозревали, *кто* проезжает мимо них в обыкновенной железной машине.

Мы свернули налево и оказались у большого здания, в котором умные мясные машины передавали свои знания молодым мясным машинам. Из зданий подобного рода в стране Льда оно было самым большим. Оно стояло на холме и возвышалось над главным городом страны Льда. Мы проехали мимо этого здания. Из его дверей выходили сотни молодых мясных машин. Целый день они сидели за столами, слушая умных мясных машин или читая тысячи букв на бумаге. Эти молодые мясные машины готовились к будущей жизни. Они учились строить железные машины и здания, совершать вычисления, производить комбинации веществ, запускать же-

лезные машины в околоземное пространство, писать буквы на бумаге, находить в Земле камни и металлы, покорять чужие страны, обманывать и убивать других мясных машин.

Миновав это большое здание, мы свернули налево и оказались на площади. Здесь стояло много железных машин и ходили мясные. Посередине площади мясные машины продавали пищу. Это были плоды, овощи, трупы и куски трупов различных животных. Спешащие домой мясные машины покупали свою пищу. Чтобы дома приготовить из нее свою сложную еду. Некоторые мясные машины здесь же пили перебродивший сок зерен и втягивали в себя дым тлеющих листьев. Это доставляло их телам удовольствие.

Толпа мясных машин двигалась в сторону невысокого здания и входила в его двери. Это был вход в подземелье. Там сотни железных машин, движущихся по стальным путям, развозили мясные машины в разные концы города. Оставив нашу железную машину неподалеку, мы направились к входу в подземелье. Толпа мясных машин обступила нас. Вместе с этой толпой мы спустились под землю, заплатив деньги на входе. Толпа мясных машин *клубилась* своими желаниями. В ней были уставшие мясные машины, стремящиеся в свои дома, где их ждали близкие мясные машины, теплая и сложная еда, постели и стеклянный ящик, в котором двигались и говорили тени мясных машин. Были мясные машины, напившиеся перебродившего сока плодов или зерен, что сделало их бодрее и оживленнее других; они громко

болтали и смеялись, чувствуя временное счастье тел. Толпа мясных машин, надевших на головы и повязавшие вокруг шей одинакового цвета ткань, громко выкрикивала одни и те же слова; эти мясные машины ехали в специальное место, где десятки тысяч мясных машин напряженно следили, как двадцать мясных машин на травяном поле катают и перебрасывают ногами упругий шар; в зависимости от движения этого шара мясные машины радостно кричали, плакали или дрались друг с другом. Группа молодых мясных машин, напившихся перебродившего сока зерен, ехала в специальный дом, где в темноте показывают на белой стене тени мясных машин; молодые мясные машины бурно обсуждали эти тени, сравнивая и выясняя, какая из теней лучше; молодые мясные машины стремились походить на эти тени.

Подъехала длинная железная машина, двери ее открылись. Толпа мясных машин устремила к дверям. Из них стала выходить другая толпа. Мясные машины толкались: одни стремились выйти, другие – войти. Мы протиснулись в дверь. Она закрылась за нами. И железная машина тронулась. Внутри сидели и стояли мясные машины. Вошедшие стремились как можно скорее сесть на освободившиеся места, чтобы их телам было удобнее. Сидящие мясные машины дремали или перелистывали пачки бумаги, покрытые буквами. Читая буквы, они складывали их в слова, которые вызывали в головах у мясных машин различные фантазии. Эти фантазии отвлекали мясных машин от повседневных забот.

Как и перебродивший сок плодов или зерен, буквы на бумаге доставляли телам мясных машин временное удовольствие. Расталкивая толпу, по железной машине шла мясная машина без ноги, опираясь на две деревянные палки. Жалобным голосом она просила денег, чтобы на них купить еду. Некоторые мясные машины давали безногой мясной машине немного денег, но большинство притворялись, что не слышат ее жалобного голоса.

Вскоре железная машина остановилась. Мы вышли, протиснулись сквозь толпу мясных машин. И сразу почувствовали *наших*. Их было много в толпе. Они двигались в одном направлении. Мы пошли с ними. *Наши* шли через толпу, которая стремилась к выходу. Мясные машины напирали, толкались, стараясь опередить друг друга. Мы шли против их движения. В противоположном конце подземного помещения была желтая дверь с надписью на языке страны Льда. Надпись предупреждала, что в желтую дверь могут пройти только мясные машины, работающие в подземном помещении. В эту дверь время от времени входили *наши*. Мы тоже вошли в нее. Прямо за дверью сидел брат Тиз в форме мясных машин, следящих за порядком. Он пропускал только *наших*. Мы вошли. И спустились при помощи механизма еще глубже под землю. Там начиналось подземное убежище. Мясные машины вырыли его на случай большой войны. В этом убежище должны были помещаться несколько десятков тысяч мясных машин. И спокойно жить под землей в тече-

ние нескольких месяцев. Девять лет назад Братство сумело завладеть убежищем. Мясную машину, отвечающую за убежище перед правительством страны Льда, уничтожили. Ее место занял брат Ма.

Железная машина доставила нас в центр убежища. Здесь Братством был построен большой круглый зал. Когда я вошел, сердце мое затрепетало: в зале собралось уже много *наших*. Они проникли сюда разными путями: некоторые, как мы, через подземелье мясных машин, некоторые прямо сверху. Вновь прибывшие братья всё входили и входили. Сердце мое *сияло* ожиданием. Братья и сестры стояли рядом в полном молчании. Нам не надо было разговаривать на языке мясных машин: сердца наши *ждали* другого *разговора*. Я смотрел на *наших*. Здесь были *мощные* сердцем, такие как Уф, Одо, Стам, Ефеп и Ц. Были и молодые, не так давно разбуженные ледяным молотом. Сердца наши *готовились*. Наконец машина объявила, что в зале собрались ровно 2300 братьев и сестер. Остальные братья и сестры не вошли в зал, оставшись за дверьми. Сестра Ц *вспыхнула*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.